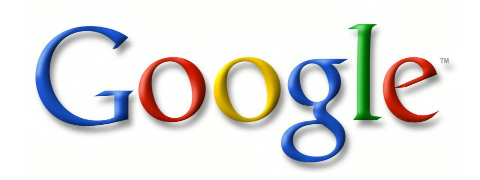
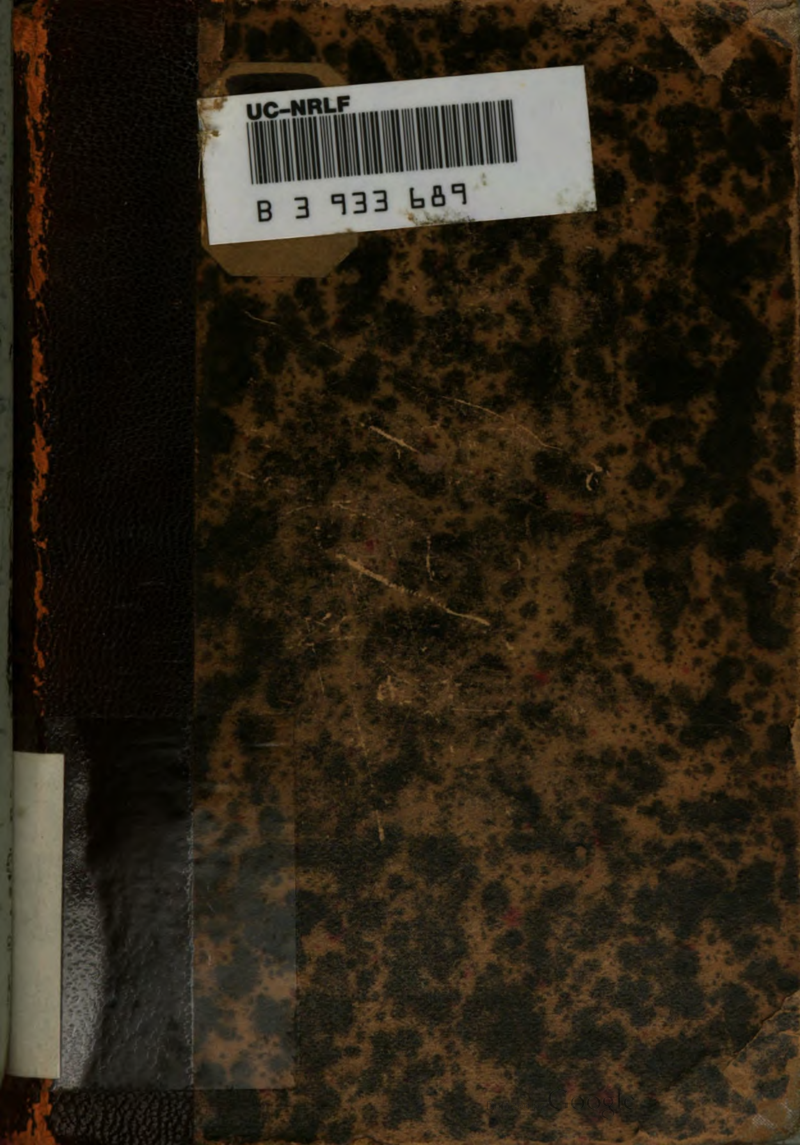
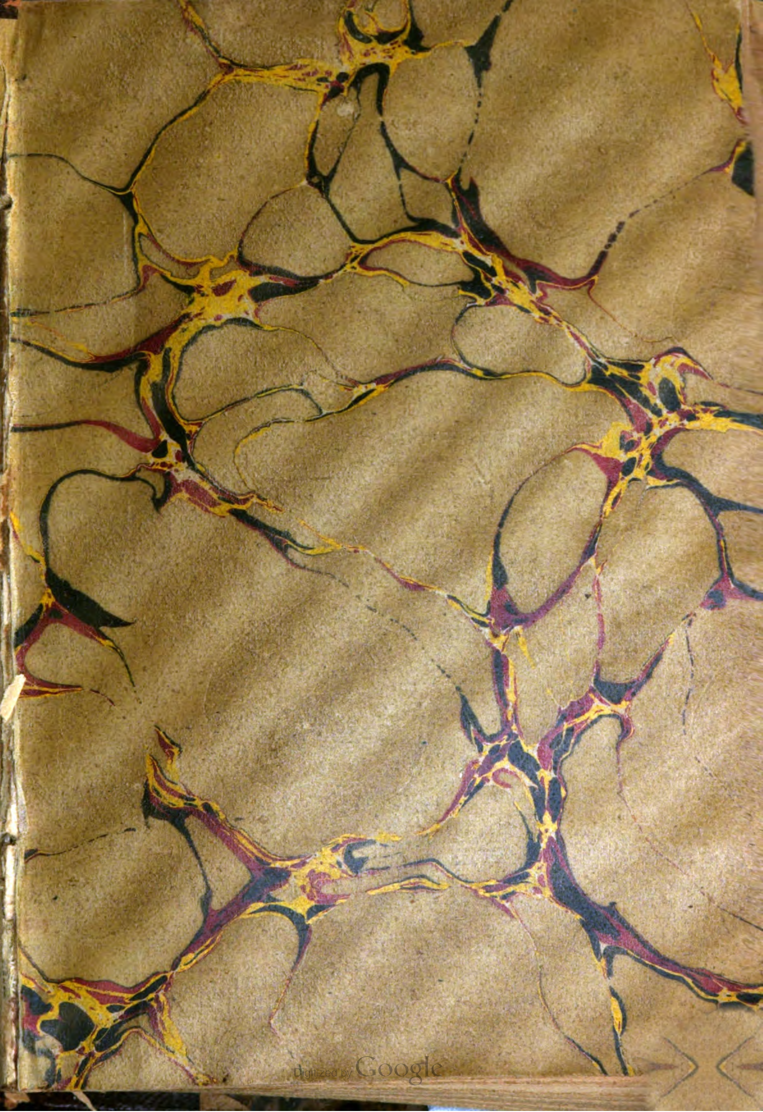

Google

UC-NRLF
B 3 933 689

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ПОЭМА

и

другія стихотворенія не вошедшія въ цензурныя изданія.

Н. А. Некрасова

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, rue du Rhône, 68
1892

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО.

Часть I.

ПРОЛОГЪ.

Въ какомъ году — разсчитывай,
Въ какой землѣ — угадывай,
На столбовой дороженькѣ
Сошлись семь мужиковъ:
Семь временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ смѣжныхъ деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожь.
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому!
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Старикъ Пахомъ потупился
И молвилъ, въ землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...

Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь,
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всякъ на своемъ стоитъ!
Такой ли споръ затѣяли,
Что думаютъ прохожіе —
Знать кладъ нашли ребятушки
И дѣлятъ межъ собой...

По дѣлу всякъ по своему
До полдня вышелъ изъ дому:
Тотъ путь держалъ до кузницы,
Тотъ шелъ въ село Иваньково

Позвать отца Прокофія
Ребенка окрестить.
Пахомъ соты медовые
Несъ на базаръ въ Великое,
А два братана Губины
Такъ просто съ недоуздочкомъ
Ловить коня упрямаго
Въ свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядкомъ идутъ!
Идутъ — какъ будто гонятся
За ними волки сѣрые,
Что далѣ — то скорѣй,
Идутъ — перекоряются!
Кричатъ — не образумятся!
А времячко не ждетъ.

За споромъ не замѣтили,
Какъ сѣло солнце красное,
Какъ вечеръ наступилъ...
Навѣрно бъ ночку цѣлую
Такъ шли — куда не вѣдая,
Когда бъ имъ баба встрѣчная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: „почтенные!

Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..“

Спросила, засмѣялася,
Хлеснула вѣдьма мѣрина
И укатила вскачь...

— Куда?... Переглянулися
Тутъ наши мужики,
Стоятъ, молчатъ, потупились...
Ужь ночь давно сошла,
Зажглися звѣзды частыя
Въ высокихъ небесахъ,
Всплылъ мѣсяцъ, тѣни чорныя
Дорогу перерѣзали
Ретивымъ ходокамъ.
Ой тѣни! тѣни чорныя!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Васъ только, тѣни чорныя,
Нельзя поймать — обнять!

На лѣсъ, на путь-дороженьку
Глядѣлъ, молчалъ Пахомъ,
Глядѣлъ — умомъ раскидывалъ
И молвилъ наконецъ:

— „Ну! лѣшій шутку славную
Надъ нами подшутилъ!
Никакъ вѣдь мы безъ малаго
Верстъ тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться,
Устали — не дойдемъ,
Присядемъ, — дѣлать нечего,
До солнца отдохнемъ!..."

Сваливъ бѣду на лѣшаго,
Подъ лѣсомъ при дороженькѣ
Усѣлись мужики.
Зажгли костеръ, сложилися,
За водкой двое сбѣгали,
А прочіе покудова
Стаканчикъ изготовили,
Бересты понадравъ.
Приспѣла скоро водочка,
Приспѣла и закусочка —
Пируютъ мужики!
Косушки по три выпили,
Поѣли — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Романъ кричитъ: помѣщику,
Демьянъ кричитъ: чиновнику,

Лука кричитъ: попу;
Купчинѣ толстопузому,
Кричатъ братаны Губины,
Иванъ и Митродоръ;
Пахомъ кричитъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ кричитъ: царю!

Забрало пуще прежняго
Задорныхъ мужиковъ,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцѣпятся
Другъ другу въ волоса...

Гляди — ужь и вцѣпилися!
Романъ тузитъ Пахомушку,
Демьянъ тузитъ Луку,
А два братана Губины
Утюжатъ Прова дюжаго —
И всякъ свое кричитъ!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Какъ будто подзадоривать

Упрямыхъ мужиковъ.
Царю! направо слышится,
Налѣво отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лѣсъ переполошился,
Съ летающими птицами,
Звѣрями быстроногими
И гадами ползущими,
И стонъ, и ревъ, и гулъ!

Всѣхъ преждезайка сѣренькій
Изъ кустика сосѣдняго
Вдругъ выскочилъ, какъ встрепанный
И на утекъ пошелъ!
За нимъ галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, рѣзкій пискъ.
А тутъ еще у пѣночки
Съ испугу птенчикъ крохотный
Изъ гнѣздышка упалъ;
Щебечетъ, плачетъ пѣночка,
Гдѣ птенчикъ? — не найдетъ!
Потомъ кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать,
Разъ десять принималася

Да всякій разъ сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлѣбъ,
Подавишься ты колосомъ —
Не будешь куковать! *)
Слетѣлися семь филиновъ,
Любуются побоищемъ
Съ семи большихъ деревъ,
Хохочутъ полуночники!
А ихъ глазищи желтые
Горятъ какъ воску яраго
Четырнадцать свѣчей!
И воронъ, птица умная,
Приспѣлъ, сидитъ на деревѣ
У самаго костра,
Сидитъ да чорту молится,
Чтобъ до смерти ухлопали
Котораго нибудь!
Корова съ колокольчикомъ,
Что съ вечера отбилася
Отъ стада, чуть послышала
Людскіе голоса —

*) Кукушка перестаетъ куковать, когда заколосится хлѣбъ («подавившись колосомъ,» говоритъ народъ).

Пришла къ костру, уставила
Глаза на мужиковъ,
Шальныхъ рѣчей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычитъ корова глупая,
Пищатъ галчата малые,
Кричатъ ребята буйные,
А эхо вторитъ всѣмъ!
Ему одна заботушка
Честныхъ людей поддразнивать,
Пугать ребятъ и бабъ!
Никто его не видывалъ,
А слышать всякій слыхивалъ,
Безъ тѣла — а живетъ оно,
Безъ языка — кричитъ!

Сова, — замоскворѣцкая
Княгиня, — тутъ же мычется,
Летаетъ надъ крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крыломъ...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему

Подкралась къ мужикамъ,
Послушала, послушала,
И прочь пошла, подумавши:
„И чортъ ихъ не пойметъ!“
И правду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чемъ они шумятъ...

Намявъ бока порядочно
Другъ другу, образумились
Крестьяне наконецъ,
Изъ лужицы напилися,
Умылись, освѣжилися,
Сонъ началъ ихъ кренить...

Тѣмъ часомъ птенчикъ крохотный,
По малу, по полсаженки
Низкомъ перелетаючи,
Къ костру подобрался.
Поймалъ его Пахомушка,
Поднесъ къ огню, разглядывалъ,
И молвилъ: „пташка малая,
А ноготокъ востеръ!
Дыхну — съ ладони скатишься,
Чихну — въ огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься!

А все жь ты, пташка малая,
Сильнѣе мужика!
Окрѣпнутъ скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои намъ крылышки,
Все царство облетимъ,
Посмотримъ, поразвѣдаемъ,
Поспоримъ — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?“

— Не надо бы и крылышекъ,
Кабы намъ только хлѣбушка
По полупуду въ день, —
И такъ бы мы Русь матушку
Ногами перемѣряли!
Сказалъ угрюмый Провъ.

„Да по ведру бы водочки“
Прибавили охочіе
До водки братья Губины,
Иванъ и Митродоръ.

— „Да утромъ бы огурчиковъ

Соленыхъ по десяточку,“
Шутили мужики.

— А въ полдень бы по жбанчику
Холоднаго кваску.

— „А вечеромъ по чайничку
Горячаго чайку...“

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пѣночка
Надъ ними: все прослушала
И сѣла у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человѣчьимъ голосомъ
Пахому говоритъ:

— „Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малаго
Я выкупъ дамъ большой.“

— А что ты дашь?

— „Дамъ хлѣбушка

По полупуду въ день,
Дамъ водки по ведерочку.

Поутру дамъ огурчиковъ,
А въ полдень квасу кислаго,
А вечеромъ чайку!“

— А гдѣ, пичуга малая,
Спросили братья Губины:
— Найдешь вина и хлѣбушка
Ты на семь мужиковъ?

— „Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вамъ, какъ найти.“

— Скажи!
— „Идите по лѣсу.
Противъ столба тридцатаго
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны,
Подъ этими подъ соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
Въ ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,

Накормитъ, напоитъ!
Тихонько только молвите:
— Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!
По вашему хотѣнію,
По моему велѣнію,
Все явится тотчасъ.
Теперь — пустите птенчика!“

— Постой! мы люди бѣдные,
Идемъ въ дорогу дальную,
Отвѣтилъ ей Пахомъ:
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одежу старую
На насъ завороржи!

— Чтобъ армяки мужицкіе
Носились, не сносилися!
Потребовалъ Романъ.

— Чтобъ липовые лапотки
Служили не разбилися,
Потребовалъ Демьянъ.

— Чтобъ вошь, блоха паскудная

Въ рубахахъ не плодилася,
Потребовалъ Лука.

— Не прѣли бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка имъ въ отвѣтъ:
— „Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вамъ будетъ... Ну, пусти!...“

Раскрывъ ладонь широкую,
Пахомъ птенца пустилъ.
Пустилъ — и птенчикъ крохотный
По малу, по полсаженки,
Низкомъ перелетаючи,
Направился къ дуплу.
За нимъ взвилася пѣночка
И на лету прибавила:
— „Смотрите, чуръ одно!
Съѣстнаго сколько вынесетъ
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
Въ день ровно по ведру,
Коли вы больше спросите,
И разъ и два — исполнится

По вашему желанію,
А въ третій — быть бѣдѣ!“

И улетѣла пѣночка
Съ своимъ родимымъ птенчикомъ,
А мужики гуськомъ
Къ дорогѣ потянулися
Искать столба тридцатаго.
Нашли! — молчкомъ идутъ
Прямехонько, вѣрнехонько
По лѣсу, по дремучему,
Считаютъ каждый шагъ.
И какъ версту отмѣряли,
Увидѣли поляночку —
Стоятъ на той поляночкѣ
Двѣ старыя сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разомъ вскрикнули:
„Эй скатерть самобранная!
Попотчуй мужиковъ!“

Глядь — скатерть развернулася,

Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка,
И спрятались опять.

— А что же нѣтъ огурчиковъ?

— Что нѣтъ чайку горячаго?

— Что нѣтъ кваску холоднаго?

Все появилось вдругъ...

Крестьяне распоясались,
У скатерти усѣлися,
Пошелъ тутъ пиръ горой!
На радости цалуются,
Другъ дружкѣ обѣщаются,
Впередъ не драться зря,
А съ толкомъ дѣло спорное
По разуму, по божески,
На чести повести —
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,

Покуда дѣлу спорному
Рѣшенья не найдутъ,
Покуда не довѣдаютъ
Какъ ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарокъ такой поставивши,
Подъ утро какъ убитые
Заснули мужики...

ГЛАВА I.

Попъ.

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонамъ дороженьки
Идутъ холмы пологіе
Съ полями, съ сѣнокосами,
А чаще съ неудобною,
Заброшенной землей;
Стоятъ деревни старыя,
Стоятъ деревни новыя,
У рѣчекъ, у прудовъ...

Лѣса, луга поемные,
Ручьи и рѣки русскіе
Весною хороши.
Но вы, поля весеннія!
На ваши всходы бѣдные

Не весело глядѣть!
„Не даромъ въ зиму долгую
(Толкуютъ наши странники)
Снѣгъ каждый день валилъ.
Пришла весна — сказался снѣгъ!
Онъ смиренъ до поры:
Летитъ — молчитъ, лежитъ — молчитъ,
Когда умретъ, тогда реветъ.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсѣмъ затоплены,
Навозъ возить — дороги нѣтъ,
А время ужь не раннее —
Подходитъ мѣсяцъ май!"

Не любо и на старыя,
Больнѣй того на новыя
Деревни имъ глядѣть.
Ой, избы, избы новыя!
Нарядны вы, да строитъ васъ
Не лишняя копеечка,
А кровная бѣда!...

Съ утра встрѣчались странникамъ
Все больше люди малые:
Свой братъ крестьянинъ-лапотникъ,
Мастеровые, нищіе,

Солдаты, ямщики.
У нищихъ, у солдатиковъ
Не спрашивали странники
Какъ имъ — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Ужь день клонился къ вечеру,
Идутъ путемъ-дорогою,
На встрѣчу ѣдетъ попъ,
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились въ рядъ
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священникъ поднялъ голову,
Глядѣлъ, глазами спрашивалъ:
Чего они хотятъ?

— Небось! мы не грабители!
Сказалъ попу Лука.
(Лука — мужикъ присадистый
Съ широкой бородищею,
Упрямъ, рѣчистъ и глупъ.
Лука похожъ на мельницу:
Однимъ не птица мельница,
Что какъ не машетъ крыльями,
Небось, не полетитъ).

— Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Уѣзда Терпигорева,
Пустопорожней волости
Окольныхъ деревень,
Заплатова, Дырявина,
Розутова, Знобишина,
Горѣлова, Неѣлова,
Неурожайка-тожь.
Идемъ по дѣлу важному:
У насъ забота есть,
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово вѣрное
На нашу рѣчь мужицкую
Безь смѣху и безъ хитрости,
По совѣсти, по разуму,
По правдѣ отвѣчать,
Не то съ своей заботушкой
Къ другому мы пойдемъ...

— „Даю вамъ слово вѣрное:
Коли вы дѣло спросите,
Безъ смѣху и безъ хитрости,

По правдѣ и по разуму,
Какъ должно отвѣчать,
Аминь!...“

— Спасибо. Слушай-же!
Идя путемъ—дорогою
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
А я сказалъ: попу.
Купчинѣ толстопузому,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...
Мужикъ, что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь: какъ ни спорили
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,

Повздоривши — подралися,
Подравшися — одумали:
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ жонами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ
Какъ ни на есть, доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи жь ты намъ побожески
Сладка ли жизнь поповская?
Ты какъ — вольготно, счастливо
Живешь, честной отецъ?...

Потупился, задумался
Въ телѣжкѣ сидя попъ
И молвилъ:
„Православные!
Роптать на Бога грѣхъ,
Несу мой крестъ съ терпѣніемъ,
Живу... а какъ? Послушайте!

Скажу вамъ правду истину,
А вы крестьянскимъ разумомъ
Смѣкайте!“

— Начинай!

„Въ чемъ счастіе по вашему?
Покой, богатство, честь,
Не такъ ли, други милые?“

Они сказали „такъ“...

„Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу покой?
Начать признаться надо бы
Почти съ рожденья самаго,
Какъ достается грамота
Поповскому сынку,
Какой цѣной поповичемъ
Священство покупается,
Да лучше помолчимъ!
. . . .
. . . .

Дороги наши трудныя,
Приходъ у насъ большой.
Болящій, умирающій,

Рождающійся въ міръ
Не избираетъ времени:
Въ жнитво и въ сѣнокосъ,
Въ глухую ночь осеннюю,
Зимой, въ морозы лютые
И въ половодье вешнее
Иди — куда зовутъ!
Идешь безотговорочно
И пусть бы только косточки
Ломалися одни,
Нѣтъ! всякій разъ намается,
Переболитъ душа.
Не вѣрьте, православные,
Привычкѣ есть предѣлъ:
Нѣтъ сердца выносящаго
Безъ нѣкоего трепета
Предсмертное хрипѣніе,
Нагробное рыданіе,
Сиротскую печаль!
Аминь!... Теперь подумайте
Каковъ попу покой?...“

Крестьяне мало думали,
Давъ отдохнуть священнику,
Они съ поклономъ молвили:
— Что скажешь намъ еще?

„Теперь посмотримъ, братія,
Каковъ попу п о ч е т ъ?
Задача щекотливая,
Не прогнѣвить бы васъ?...

„Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!“

Крестьяне позамялися,
Молчатъ — и попъ молчитъ...

„Съ кѣмъ встрѣчи вы боитеся,
Идя путемъ-дорогою?
Чуръ! отвѣчать на спросъ!“

Крехтятъ, переминаются,
Молчатъ!
„О комъ слагаете
Вы сказки балагурныя
И пѣсни непристойныя
И всякую хулу?...

„Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,

Семинариста всякаго —
Какъ чевствуете вы?

„Кому въ догонъ, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?...“

Потупились ребятушки,
Молчатъ — и попъ молчитъ...

Крестьяне думу думали,
А попъ широкой шляпою
Въ лицо себѣ помахивалъ
Да на небо глядѣлъ.
Весной что внуки малые
Съ румянымъ солнцемъ дѣдушкой
Играютъ облака:
Вотъ правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнѣла и заплакала:
Рядами нити сѣрыя
Повисли до земли.
А ближе, надъ крестьянами,
Изъ небольшихъ, разорванныхъ,
Веселыхъ облачковъ
Смѣется солнце красное

Какъ дѣвка изъ сноповъ.
Но туча передвинулась,
Попъ шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже свѣтла и радостна,
Тамъ дождь перестаетъ.
Не дождь, тамъ чудо божіе:
Тамъ съ золотыми нитками
Развѣшаны мотки...

„Не сами... по родителямъ
Мы такъ-то...“ братья Губины
Сказали наконецъ.
И прочіе поддакнули:
„Не сами, по родителямъ!“
А попъ сказалъ: „Аминь!
Простите, православные!
Не въ осужденье ближняго,
А по желанью вашему
Я правду вамъ сказалъ.
Таковъ почетъ священнику
Въ крестьянствѣ. А помѣщики...“

— Ты мимо ихъ, помѣщиковъ!
Извѣстны намъ они!

„Теперь посмотримъ, братія,
Откудова богачество
Поповское идетъ?...
Во время недалекое
Имперія россійская
Дворянскими усадьбами
Была полнымъ-полна.
И жили тамъ помѣщики,
Владѣльцы именитые,
Какихъ теперь ужь нѣтъ!
Плодилися и множились
И намъ давали жить.
Что свадебъ тамъ игралося,
Что дѣтокъ нарождалося
На даровыхъ хлѣбахъ!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У насъ они вѣнчалися,
У насъ крестили дѣтушекъ,
Къ намъ приходили каяться,
Мы отпѣвали ихъ.
А если и случалося,
Что жилъ помѣщикъ въ городѣ,
Такъ умирать навѣрное

Въ деревню пріѣзжалъ.
Коли умретъ нечаянно,
И тутъ накажетъ накрѣпко
Въ приходѣ схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колесницѣ траурной
Въ шесть лошадей наслѣдники
Покойника везутъ —
Попу поправка добрая,
Мирянамъ праздникъ праздникомъ...
А нынѣ ужъ не то!
Какъ племя іудейское
Разсѣялись помѣщики
По дальней чужеземщинѣ
И по Руси родной.
Теперь ужь не до гордости
Лежать въ родномъ владѣніи
Рядкомъ съ отцами, съ дѣдами,
Да и владѣнья многія
Барышникамъ пошли.
Ой, холеныя косточки
Россійскія, дворянскія!
Гдѣ вы не позакопаны?
Въ какой землѣ васъ нѣтъ?...

„Потомъ, статья... раскольники...
Не грѣшенъ, не живился я
Съ раскольниковъ ничѣмъ.
По счастью, нужды не было;
Въ моемъ приходѣ числится
Живущихъ въ православіи
Двѣ трети прихожанъ.
А есть такія волости,
Гдѣ сплошь почти раскольники,
Такъ тутъ какъ быть попу?...

„Все въ мірѣ перемѣнчиво,
Прейдетъ и самый міръ...
Законы прежде строгіе
Къ раскольникамъ, смягчилися,
А съ ними и поповскому
Доходу матъ пришелъ.
Перевелись помѣщики,
Въ усадьбахъ не живутъ они
И умирать на старости
Уже не ѣдутъ къ намъ.
Богатыя помѣщицы,
Старушки богомольныя,
Которыя повымерли,
Которыя пристроились
Вблизи монастырей.

Никто теперь подрясника
Попу не подаритъ!
Никто не вышьетъ воздуховъ...
Живи съ однихъ крестьянъ,
Сбирай мірскія гривенки
Да пироги по праздникамъ
Да яйца о святой.
Крестьянинъ самъ нуждается
И радъ бы дать, да нечего...

„А то еще не всякому
И милъ крестьянскій грошъ.
Угоды наши скудныя,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходитъ въ проголодь,
Родится хлѣбъ самъ-другъ,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Такъ новая бѣда:
Дѣваться съ хлѣбомъ некуда!
Припретъ нужда, продашь его
За сущую бездѣлицу,
А тамъ — неурожай!
Тогда плати въ три-дорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!

А шестеро товарищей,
Кякъ будто сговорилися,
Накинулись съ упреками,
Съ отборной, крупной руганью
На бѣднаго Луку.

— Что взялъ? башка упрямая?
Дубина деревенская!
Туда же лѣзетъ въ споръ!
Три года я ребятушки
Жилъ у попа въ работникахъ,
Малина — не житье!
Попова каша съ маслецомъ,
Поповъ пирогъ — съ начинкою,
Поповы щи — съ снѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудетъ!
Ну, вотъ тебѣ хваленое,
Поповское житье!
Чего оралъ, куражился?
На драку лѣзъ, анаѳема?
Не тѣмъ ли думалъ взять,
Что борода лопатою?

Такъ съ бородой козелъ
Гулялъ по свѣту ранѣе,
Чѣмъ праотецъ Адамъ,
А дуракомъ считается
И по сей часъ козелъ!...

Лука стоялъ, помалчивалъ,
Боялся, не наклали бы
Товарищи въ бока.
Оно бы такъ и сталося,
Да къ счастію крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугрѣ...

ГЛАВА II.

Сельская ярмарка

Недаромъ наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тутъ — хоть волкомъ вой!

Не грѣетъ землю солнышко
И облака дождливыя
Какъ дойныя коровушки
Идутъ по небесамъ.
Согнало снѣгъ, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одѣвается
Зеленымъ яркимъ бархатомъ,
И какъ мертвецъ безъ савана
Лежитъ подъ небомъ пасмурнымъ
Печальна и нага.

Жаль бѣднаго крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормивъ запасы скудные,
Хозяинъ хворостиною
Прогналъ ее въ луга,
А что тамъ взять? Чернехенько!
Лишь на Николу вешняго
Погода поуставилась,
Зеленой свѣжей травушкой
Полакомился скотъ...

День жаркій. Подъ березками
Крестьяне пробираются,
Гуторятъ межь собой:
„Идемъ одной деревнею,
Идемъ другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропалъ народъ?...
Идутъ селомъ — на улицѣ
Одни ребята малые,
Въ домахъ — старухи старыя,
Ато и вовсе заперты
Калитки на замокъ.
Замокъ — собачка вѣрная:
Не лаетъ, не кусается,
А не пускаетъ въ домъ!

Прошли село, увидѣли
Въ зеленой рамѣ зеркало:
Съ краями полный прудъ.
Надъ прудомъ рѣютъ ласточки,
Какіе то комарики,
Проворные и тощіе,
Въ припрыжку, словно по суху,
Гуляютъ по водѣ.
По берегамъ, въ ракитникѣ,
Коростели скрыпятъ.

На длинномъ, шаткомъ плотикѣ
Съ валькомъ поповна толстая
Стоитъ какъ стогъ подщипанный
Подтыкавши подолъ.
На этомъ же на плотикѣ
Спитъ уточка съ утятами...
Чу! лошадиный храпъ!
Крестьяне разомъ глянули
И надъ водой увидѣли
Двѣ головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
Съ серьгой (мигало солнышко
На бѣлой той серьгѣ).
Другую — лошадиную
Съ веревкой саженъ въ пять.
Мужикъ беретъ веревку въ ротъ,
Мужикъ плыветъ—и конь плыветъ,
Мужикъ заржалъ—и конь заржалъ.
Плывутъ, орутъ! Подъ бабою,
Подъ малыми утятами
Плотъ ходитъ ходенемъ.

Догналъ коня—за холку хвать!
Вскочилъ и на лугъ выѣхахъ
Дѣтина: тѣло бѣлое,
А шея какъ смола;

Вода ручьями катится
Съ коня и съ сѣдока.

— А что у васъ въ селеніи
Ни стараго, ни малаго,
Аль вымеръ весь народъ?

„Ушли въ село Кузминское,
Сегодня тамъ и ярманка
И праздникъ храмовой“.

— А далеко Кузминское?

„Да будетъ версты три“.

— Пойдемъ въ село Кузминское,
Посмотримъ праздникъ-ярмонку!
Рѣшили мужики,
А про себя подумали:
Не тамъ ли онъ скрывается,
Кто счастливо живетъ?...

Кузминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,

Потомъ въ оврагъ спускается,
А тамъ опять на горочку —
Какъ грязи тутъ не быть?
Двѣ церкви въ немъ старинныя,
Одна́ старообрядская,
Другая православная,
Домъ съ надписью: училище,
Пустой, забитый на глухо,
Изба въ одно окошечко,
Съ изображеньемъ фельдшера,
Пускающаго кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывѣской
(Съ большимъ носатымъ чайникомъ
Подносъ въ рукахъ подносчика,
И маленькими чашками,
Какъ гусыня гусятами,
Тотъ чайникъ окруженъ),
Есть лавки постоянныя
Въ подобіе уѣзднаго
Гостинаго двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякаго
И видимо-невидимо
Народу! Не потѣха ли?

Кажись, нѣтъ ходу крестнаго,
А словно предъ иконами
Безъ шапокъ мужики.
Такая ужъ сторонушка!
Гляди, куда дѣваются
Крестьянскіе шлыки:
Помимо складу виннаго,
Харчевни, ресторацiи,
Десятка штофныхъ лавочекъ,
Трехъ постоялыхъ двориковъ
Да „ренскового погреба"
Да пары кабаковъ,
Одиннадцать кабатчиковъ
Для праздника поставили
Палатки на селѣ.
При каждой пять подносчиковъ,
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все имъ не поспѣть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянскихъ рукъ, со шляпами,
Съ платками, съ рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,

А тамъ добудутъ шапочки,
Какъ отойдетъ базаръ.

По пьянымъ по головушкамъ
Играетъ солнце вешнее...
Хмѣльно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругомъ!
Штаны на парняхъ плисовы,
Жилетки полосатыя,
Рубахи всѣхъ цвѣтовъ;
На бабахъ платья красныя,
У дѣвокъ косы съ лентами,
Лебедками плывутъ!
А есть еще затѣйницы
Одѣты по столичному —
И ширится, и дуется
Подолъ на обручахъ!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вамъ снасти рыболовныя
Подъ юбками носить?...
На бабъ нарядныхъ глядючи,
Старообрядка злющая
Товаркѣ говоритъ:
„Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,

Что половодье вешнее
Стоитъ до Петрова!
Съ тѣхъ поръ, какъ бабы начали
Рядиться въ ситцы красные —
Лѣса не подымаются,
А хлѣба хоть не сѣй!"

— Да чѣмъ же ситцы красные
Тутъ провинилисъ, матушка?
Ума не приложу!

„А ситцы тѣ французскіе —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..."

По конной потолкалися,
По взгорью, гдѣ навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Тамъ шла торговля бойкая,
Съ божбою, съ прибаутками,
Съ здоровымъ, громкимъ хохотомъ,
И какъ не хохотать?
Мужикъ какой-то крохотный
Ходилъ, ободья пробовалъ:

Погнулъ одинъ — не нравится,
Погнулъ другой, потужился,
А ободъ какъ распрямится --
Щолкъ по лбу мужика!
Мужикъ реветъ надъ ободомъ,
„Вязовою дубиною“
Ругаетъ драчуна.
Другой пріѣхалъ съ разною
Подѣлкой деревянною —
И вывалилъ весь возъ!
Пьяненекъ! Ось сломалася,
А сталъ ее удѣлывать
Топоръ сломалъ! Задумался
Мужикъ надъ топоромъ,
Бранитъ его, коритъ его,
Какъ будто дѣло дѣлаетъ:
„Подлецъ ты, не топоръ!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужилъ.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласковъ не бывалъ!“

Пошли по лавкамъ странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,

Издѣльемъ кимряковъ.
У той сапожной лавочки
Опять смѣются странники:
Тутъ башмачки козловые
Дѣдъ внучкѣ торговалъ,
Пять разъ про цѣну спрашивалъ,
Вертѣлъ въ рукахъ, оглядывалъ,
Товаръ первѣйшій сортъ!
— Ну, дядя! два двугривенныхъ
Плати, нето проваливай!
Сказалъ ему купецъ.
„А ты постой!" Любуется
Старикъ ботинкой крохотной,
Такую держитъ рѣчь:
„Мнѣ зять—плевать, и дочь смолчитъ,
Жена — плевать, пускай ворчитъ!
А внучку жаль! Повѣсилась
На шею егоза:
Купи гостинчикъ, дѣдушка,
„Купи! — Головкой шолковой
Лицо щекочетъ, ластится,
Цалуетъ старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловыя
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,

И старому и малому
Подарковъ посулилъ,
А пропился до грошика!
Какъ я глаза безстыжіе
Домашнимъ покажу?...

„Мнѣ зять—плевать, и дочь смолчитъ,
Жена — плевать, пускай ворчитъ!
А внучку жаль!....“ Пошелъ опять
Про внучку! Убивается!...

Народъ собрался, слущаетъ,
Не смѣючись, жалѣючи.
Случись работой, хлѣбушкомъ
Ему бы помогли.
А вынуть два двугривенныхъ
Такъ самъ ни съ чѣмъ останешься,
Да былъ тутъ человѣкъ,
Павлуша Веретенниковъ
(Какого роду званія
Не знали мужики,
Однако звали „бариномъ“.
Гораздъ онъ былъ балясничать,
Носилъ рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;

Пѣлъ складно пѣсни русскія
И слушать ихъ любилъ.
Его видали многіе
На постоялыхъ дворикахъ,
Въ харчевняхъ, въ кабакахъ).
Такъ онъ Вавилу выручилъ —
Купилъ ему ботиночки.
Вавило ихъ схватилъ
И былъ таковъ! — На радости
Спасибо даже барину
Забылъ сказать старикъ,
За то крестьяне прочіе
Такъ были разутѣшены,
Такъ рады, словно каждаго
Онъ подарилъ рублемъ.

Была тутъ также лавочка
Съ картинами и книгами,
Офени запасалися
Своимъ товаромъ въ ней.
— А генераловъ надобно?
Спросилъ ихъ купчикъ-выжига.
„И генераловъ дай!
Да только ты по совѣсти,
Чтобъ были настоящіе
Потолще, погрознѣй“.

— Чудные! кекъ вы смотрите!
Сказалъ купецъ съ усмѣшкою,
— Тутъ дѣло не въ комплекціи...

„А въ чемъ же? шутишь другъ!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда съ ней дѣнемся?
Шалишь! Передъ крестьяниномъ
Всѣ генералы равные,
Какъ шишки на ели:
Чтобы продать плюгаваго
Попасть на доку надобно,
А толстаго да грознаго
Я всякому всучу...“

— А статскихъ не желаете?
„Ну, вотъ еще со статскими!“
(Однако взяли — дешево! —
Какого то сановника
За брюхо съ бочку винную
И за семнадцать звѣздъ).
Купецъ — со всѣмъ почтеніемъ,
Что любо, тѣмъ и потчуетъ,
(Съ Лубянки — первый воръ!)
Спустилъ по сотнѣ Блюхера,
Архимандрита Фотія,

Разбойника Сипко,
Сбылъ книги: „шутъ Балакиревъ“
И „Англійскій милордъ“...

Легли въ коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссійскому,
Покамѣстъ не пристроятся
Въ крестьянской лѣтней горенкѣ,
На невысокой стѣночкѣ..
Чортъ знаетъ для чего!

Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
Когда (приди желанное!...)
Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда вшиваго —
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ?
Ой, люди. люди русскіе!
Крестьяне православные!
Слыхали-ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великія,

Носили ихъ, прославили
Заступники народные!
Вотъ вамъ бы ихъ портретики
Повѣсить въ вашихъ горенкахъ,
Ихъ книги прочитать...

„И радъ бы въ рай да дверь-то гдѣ?“
Такая рѣчь врывается
Въ лавчонку неожиданно.
— Тебѣ какую дверь?
„Да въ балаганъ. Чу; музыка!...„
— Пойдемъ, я укажу!

Про балаганъ услышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазѣть.

Комедію съ Петрушкою,
Съ козою барабанщицей
И не съ простой шарманкою,
А съ настоящей музыкой
Смотрѣли тутъ они.
Комедія не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не въ бровь, а прямо въ глазъ!
Шалашъ полнымъ полнехонекъ,

Народъ орѣшки щелкаетъ,
А то два-три крестьянина
Словечкомъ перекинутся --
Гляди, явилась водочка:
Посмотрятъ да попьютъ!
Хохочутъ, утѣшаются
И часто въ рѣчь Петрушкину
Вставляютъ слово мѣткое,
Какого не придумаешь
Хоть проглоти перо!

Такіе есть любители --
Какъ кончится комедія
За ширмочки пойдутъ,
Цалуются, братаются,
Гуторятъ съ музыкантами:
— Откуда молодцы?
„А были мы господскіе,
Играли на помѣщика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесетъ-попотчуетъ,
Тотъ намъ и господинъ!“

— И дѣло, други милые,
Довольно баръ вы тѣшили,
Потѣшьте мужиковъ!

Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянскаго — живѣй!...

И море разливанное
Пойдетъ, щедрѣе барскаго
Ребятокъ угостятъ.

Не вѣтры вѣютъ буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумитъ, поетъ, ругается,
Катается, валяется,
Дерется и цалуется
У праздника народъ!
Крестьянамъ показалося,
Какъ вышли на пригорочекъ,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
Съ высокой кококольнею
Шатнуло разъ-другой! —
Тутъ трезвому, что голому
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И къ вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III.

Пьяная ночь.

Не ригой, не амбарами,
Не кабакомъ, не мельницей,
Какъ часто на Руси,
Село кончалось низенькимъ
Бревенчатымъ строеніемъ
Съ желѣзными рѣшетками
Въ окошкахъ небольшихъ.
За тѣмъ этапнымъ зданіемъ
Широкая дороженька,
Березками обставлена.
Открылась тутъ какъ тутъ.
По буднямъ малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженькѣ
И по окольнымъ тропочкамъ
Докуда глазъ хваталъ,
Ползли, лежали, ѣхали,
Барахталися пьяные
И стономъ стонъ стоялъ!

Скрыпятъ телѣги грузныя
И какъ телячьи головы
Качаются, мотаются
Побѣдныя головушки
Уснувшихъ мужиковъ!

Народъ идетъ — и падаетъ
Какъ будто изъ-за валиковъ
Картечью непріятели
Палятъ по мужикамъ!

Ночь тихая спускается,
Ужь вышла въ небо темное
Луна, ужь пишетъ грамоту
Господь червоннымъ золотомъ
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникамъ,
Ни глупымъ не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудитъ! Что море синее
Смолкаетъ, поднимается
Народная молва.

„А мы полтинникъ писарю:
Прошенье изготовили
Къ начальнику губерніи..."

— „Ей! съ возу куль упалъ!

„Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дамъ пряничка,
Ты, какъ блоха проворная,
Наѣлась — и упрыгнула,
Погладить не далась!"

— Добра ты, царска грамота,
Да не про насъ ты писана...

„Посторонись народъ!"
(Акцизные чиновники
Съ бубенчиками, съ бляхами
Съ базара пронеслись).

— А я къ тому теперича:
И вѣникъ дрянь, Иванъ Ильичъ
А погуляетъ по полу,
Куда какъ напылитъ!

„Избави богъ, Парашенька,
Ты въ Питеръ не ходи!

Такіе есть чиновники,
Ты день у нихъ кухаркою,
А ночь у нихъ сударкою —
Такъ это наплевать!“

— Куда ты скачешь, Савушка?“
(Кричитъ священникъ соцкому
Верхомъ съ казенной блахою).
— Въ Кузминское скачу
За становымъ. Оказія:
Тамъ впереди крестьянина
Убили... Эхъ!... грѣхи!...“

— Худа ты стала, Дарьюшка!
„Не веретенце, другъ!
Вотъ то, чѣмъ больше вертится
Пузатѣе становится,
А я какъ день-деньской...“

„Эй, парень, парень глупенькой,
Оборванной паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня простоволосую,
Хмѣльную бабу старую,
Зааа-пааааа-чканую!...“

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идутъ своимъ путемъ.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонькой
Большую яму выкопалъ:
— Что дѣлаешь ты тутъ?
„А хороню я матушку!“
— Дуракъ! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты въ землю закопалъ!
Иди скорѣй, да хрюкаломъ
Въ канаву лягъ, воды испей!
Авось, соскочитъ дурь!

— А ну давай потянемся!“

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся и тужатся,
Крехтятъ — на скалкѣ тянутся,
Суставчики трещатъ!
На скалкѣ не понравилось:
„Давай теперь попробуемъ
Тянуться бородой!“

Когда порядкомъ бороды
Другъ дружкѣ поубавили,
Вцѣпились за скулы!
Пыхтятъ, краснѣютъ, корчатся,
Мычатъ, визжатъ, а тянутся!
— „Да будетъ вамъ, проклятые!“
Не разольешь водой!

Въ канавѣ бабы ссорятся,
Одна кричитъ: домой идти
Тошнѣе, чѣмъ на каторгу!
Другая: врешь, въ моемъ дому
Похуже твоего!
Мнѣ старшій зять ребро сломалъ,
Середній зять клубокъ укралъ,
Клубокъ плевокъ, да дѣло въ томъ —
Полтинникъ былъ замотанъ въ немъ,
А младшій зять все ножъ беретъ,
Того гляди убьетъ, убьетъ!...

— „Ну полно, полно, миленькой:
Ну не сердись!“ За валикомъ
Неподалеку слышится:
„Я ничего... пойдемъ!“

Такая ночь бѣдовая!
Направо ли, налѣво ли

Съ дороги поглядишь:
Идутъ дружненько парочки,
Не къ той ли рощѣ правятся?
Та роща манитъ всякаго,
Въ той рощѣ голосистые
Соловушки поютъ...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнѣе:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущіе,
Лежащіе пластомъ.
Безъ ругани, какъ водится,
Словечко не промолвится
Шальная, непотребная
Слышнѣй всего она!
У кабаковъ смятеніе,
Подводы перепутались,
Испуганныя лошади
Безъ сѣдоковъ бѣгутъ;
Тутъ плачутъ дѣти малыя,
Тоскуютъ жены, матери:
Легко ли изъ питейнаго
Дозваться мужиковъ?...

У столбика дорожнаго
Знакомый голосъ слышится,
Подходятъ наши странники
И видятъ: Веретенниковъ
(Что башмачки козловые
Вавилѣ подарилъ)
Бесѣдуетъ съ крестьянами,
Крестьяне открываются
Милягѣ по душѣ:
Похвалитъ Павелъ пѣсенку —
Пять разъ споютъ, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписавъ достаточно,
Сказалъ имъ Веретенниковъ:
„Умны крестьяне русскіе.
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одуренія,
Во рвы, въ канавы валятся —
Обидно поглядѣть!“

Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то въ книжечку
Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькой

Мужикъ, — онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ,
Помалчивалъ, — да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину—
Хвать карандашъ изъ рукъ!
„Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ!
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою.
Пойдемъ-ка по избамъ:
Въ одной, другой навалятся,
А въ третьей не притронутся —
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не. пьютъ, а также маются,
Ужь лучше бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...

Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда,
И не глядѣлъ бы!... Видывалъ
Въ страду деревни русскія?
Въ питейномъ что-ль народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя,
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй! богатырь, соломинкой
Сшибу, посторонись! —

„Сладка ѣда крестьянская,
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...

А есть еще губитель тать
Четвертый, злѣй татарина,
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаетъ одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькой,
Какъ ты, изъ-подъ Москвы.
Записываетъ пѣсенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А былъ другой — допытывалъ,
Насколько въ день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусокъ пихаешь въ ротъ?
Иной угодья мѣряетъ,
Иной въ селеньи жителей
По пальцамъ перечтетъ,
А вотъ не сосчитали же,
По скольку въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?...

„Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому.
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,

А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ.
Со всякою справляется
Какая ни приди.
Мужикъ трудясь не думаетъ,
Что силы надорветъ,
Такъ неужли надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ каняву угодитъ?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,
Такъ погляди поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое
Скосивши волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ ползкомъ съ плетюхами, —
Трещитъ крестьянскій пупъ!

„Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,

Осокою изрѣзаны.
Болотнымъ гадомъ,-мошкою
Изъѣденные въ кровь, —
Небось мы тутъ красивѣе?

„Жалѣть — жалѣй умѣючи,
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!..

„У каждаго крестьянина
Душа что туча чорная —
Гнѣвна, грозна — и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается,
Пошла по жиламъ чарочка
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ, — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять!
Повымахали косточки,

Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!...“

Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притопывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
„Эй! царство ты мужицкое, —
Безшапочное, пьяное,
Шуми — вольнѣй шуми!...

— „Какъ звать тебя, старинушка?

„А что? запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: „въ деревнѣ Босовѣ
Якимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ
До полусмерти пьетъ...“

Крестьяне разсмѣялися
И разсказали барину,
Каковъ мужикъ Якимъ.

Якимъ старикъ убогонькой,
Живалъ когда-то въ Питерѣ,
Да угодилъ въ тюрьму:
Съ купцомъ тягаться вздумалось!
Какъ липочка ободранный,
Вернулся онъ на родину
И за соху взялся.
Съ тѣхъ поръ лѣтъ тридцать жарится
На полосѣ подъ солнышкомъ,
Подъ бороной спасается
Отъ частаго дождя,
Живетъ — съ сохою возится,
А смерть придетъ Якимушкѣ
Какъ комъ земли отвалится,
Что на сохѣ присохъ...

Съ нимъ случай былъ: картиночекъ
Онъ сыну накупилъ,
Развѣшалъ ихъ по стѣночкамъ
И самъ не меньше мальчика
Любилъ на нихъ глядѣть.
Пришла немилость божія,
Деревня загорѣлася —
А было у Якимушки
За цѣлый вѣкъ накоплено
Цѣлковыхъ тридцать-пять.

Скорѣй бы взять цѣлковые,
А онъ сперва картиночки
Сталъ со стѣны срывать;
Жена его тѣмъ временемъ
Съ иконами возилася,
А тутъ изба и рухнула —
Такъ оплошалъ Якимъ!
Слились въ комокъ цѣлковики.
За тотъ комокъ даютъ ему
Одинадцать рублей...

„Ой, братъ Якимъ! не дешево
Картинки обошлись!
За то и въ избу новую
Повѣсилъ ихъ, небось?“

— Повѣсилъ — есть и новыя,
Сказалъ Якимъ — и смолкъ...

Вглядѣлся баринъ въ пахаря:
Грудь впалая; какъ вдавленный
Животъ; у глазъ, у рта
Излучины какъ трещины
На высохшей землѣ;
И самъ на землю матушку
Похожъ онъ: шея бурая,

Какъ пластъ, сохой отрѣзанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песокъ.

Крестьяне какъ замѣтили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
Съ Якимомъ: „Слово вѣрное:
Намъ подобаетъ пить!
Пьемъ — значитъ силу чувствуемъ!
Придетъ печаль великая,
Какъ перестанемъ пить!...
Работа не свалила бы,
Бѣда не одолѣла бы,
Насъ хмѣль не одолитъ!
Не такъ ли?
„Да, богъ милостивъ!“

— Ну выпей съ нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенниковъ
Два шкалика поднесъ.

Ай, баринъ! не прогнѣвайся,
„Разумная головушка!
(Сказалъ ему Якимъ):
Разумной-то головушкѣ
Какъ не понять крестьянина?
А свиньи ходятъ по земли —
Не видятъ неба вѣкъ!...“

Вдругъ пѣсня хоромъ грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиковъ,
Хмельненьки, а не валятся,
Идутъ рядкомъ, поютъ,
Поютъ про Волгу матушку,
Про удаль молодецкую,
Про дѣвичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та пѣсня складная
Широко, вольно катится,
Какъ рожь подъ вѣтромъ стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идетъ огнемъ-тоской!...

Подъ пѣсню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:

„Мой вѣкъ — что день безъ солнышка,
„Мой вѣкъ – что ночь безъ мѣсяца,
„А я млада-младешенька,
„Что борзый конь на привязи,
„Что ласточка безъ крылъ!
„Мой старый мужъ, ревнивый мужъ
„Напился пьянъ, храпомъ храпитъ.
„Меня младу-младешеньку
„И сонный сторожитъ!“

Такъ плакалась молодушка
Да съ возу вдругъ и спрыгнула!
„Куда“ кричитъ ревнивый мужъ,
Привсталъ — и бабу за косу
Какъ рѣдьку за вихоръ!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не свѣтлая, а звѣздная,
Не жаркая, а съ ласковымъ
Весеннимъ вѣтеркомъ!
И нашимъ добрымъ молодцамъ
Ты даромъ не прошла!
Сгрустнулось имъ по жонушкамъ,
Оно и правда: съ жонушкой
Теперь бы веселѣй!
Иванъ кричитъ: „я спать хочу“,

А Марьюшка: „и я съ тобой!“
Иванъ кричитъ: „постель узка“,
А Марьюшка: „уляжемся!“
Иванъ кричитъ: „ой, холодно!“
А Марьюшка: „угрѣемся!“
Какъ вспомнили ту пѣсенку,
Безъ слова — согласилися
Ларецъ свой попытать.

Одна зачѣмъ, богъ вѣдаетъ,
Межь полемъ и дорогою
Густая липа выросла,
Подъ ней присѣли странники
И осторожно молвили:
„Эй! скатерть самобранная.
Попотчуй мужиковъ!“

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрѣпилися,
Романъ за караульнаго

Остался у ведра,
А прочіе вмѣшалися
Въ толпу — искать счастливаго:
Имъ крѣпко захотѣлося
Скорѣй попасть домой...

ГЛАВА IV.

Счастливые.

Въ толпѣ горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали кличъ:
„Эй! нѣтъ ли гдѣ счастливаго?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У насъ ведро готовое:
Пей даромъ сколько вздумаешь—
На славу угостимъ!...“
Такимъ рѣчамъ неслыханнымъ
Смѣялись люди трезвые,
А пьяные, да умные
Чуть не плевали въ бороду
Ретивымъ крикунамъ.
Однако и охотниковъ

Хлебнуть вина безплатнаго
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Подъ липу, кличъ прокликавши,
Ихъ обступилъ народъ.

Пришелъ дьячекъ уволенный,
Тощой какъ спичка сѣрная
И лясы распустилъ,
Что счастіе не въ пажитяхъ,
Не въ соболяхъ, не въ золотѣ,
Не въ дорогихъ камняхъ.

— А въ чемъ же?

„Въ благодушествѣ!
Предѣлы есть владѣніямъ
Господъ, вельможъ, царей земныхъ,
А мудраго владѣніе —
Весь вертоградъ христовъ!
Коль обогрѣетъ солнышко
Да пропущу косушечку,
Такъ вотъ и счастливъ я!“

— А гдѣ возьмешь косушечку?

„Да вы же дать сулилися...“

— Проваливай! шалишь!...

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нея по осени
Родилось рѣпъ до тысячи
На небольшой грядѣ.
„Такая рѣпа крупная,
Такая рѣпа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А въ поперечь — аршинъ!“
Надъ бабой посмѣялися,
А водки капли не дали:
„Ты дома выпей, старая,
Той рѣпой закуси!“

Пришелъ солдатъ съ медалями,
Чуть живъ, а выпить хочется:
„Я счастливъ!“ говоритъ.

— Ну, открывай, старинушка,
Въ чемъ счастіе солдатское?
Да не таись, смотри!

„А въ томъ вопервыхъ счастіе,
Что въ двадцати сраженіяхъ

Я былъ, а не убитъ!
А вовторыхъ, важнѣй того,
Я и во время мирное
Ходилъ ни сытъ, ни голоденъ,
А смерти не дался!
А втретьихъ — за провинности
Великія и малыя
Нещадно битъ я палками,
А хоть пощупай — живъ!“

— На! выпивай, служивенькой!
Съ тобой и спорить нечего:
Ты счастливъ — слова нѣтъ!

Пришелъ съ тяжелымъ молотомъ
Каменотесъ олончанинъ,
Плечистый, молодой:
„И я живу — не жалуюсь“
Сказалъ онъ: съ женкой, съ матушкой
Не знаемъ мы нужды!“

— Да въ чемъ же ваше счастіе?

„А вотъ гляди (и молотомъ
Какъ перышкомъ махнулъ):
Коли проснусь до солнышка

Да разогнусь о полночи,
Такъ гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
Въ день на пять серебромъ!“

Пахомъ приподнялъ „счастіе“
И крякнувши порядочно
Работнику поднесъ:
— Ну, вѣско! а не будетъ ли
Носиться съ этимъ счастіемъ
Подъ старость тяжело?...

— „Смотри, не хвастай силою,
Сказалъ мужикъ съ одышкою,
Разслабленный, худой,
(Носъ вострый, какъ у мертваго,
Какъ грабли руки тощія,
Какъ спицы ноги длинныя,
Не человѣкъ — комаръ).
Я былъ — не хуже каменьщикъ
Да тоже хвасталъ силою,
Вотъ богъ и наказалъ!
Смекнулъ подрядчикъ, бестія,
Что простоватъ дѣтинушка,
Учалъ меня хвалить,

А я то съ дуру радуюсь,
За четверыхъ работаю!
Однажды ношу добрую
Наклалъ я кирпичей,
А тутъ его, проклятаго,
И нанеси нелегкая,
„Что это? говоритъ:
„Не узнаю я Трифона!
„Итти съ такою ношею
„Не стыдно молодцу?"
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!
Сказалъ я осердясь.
Ну, съ полчаса, я думаю,
Я ждалъ, а онъ подкладывалъ,
И подложилъ, подлецъ!
Самъ слышу — тяга страшная
Да не хотѣлось пятиться,
И внесъ ту ношу чортову
Я во второй этажъ!
Глядитъ подрядчикъ, дивится,
Кричитъ подлецъ оттудова:
„Ай, молодецъ, Трофимъ!
Не знаешь самъ, что сдѣлалъ ты:
Ты снесъ одинъ покрайности
Четырнадцать пудовъ!"

Ой, знаю! сердце молотомъ
Стучитъ въ груди, кровавые
Въ глазахъ круги стоятъ,
Спина какъ-будто треснула...
Дрожатъ, ослабли ноженьки,
Зачахъ я съ той поры!...
Налей, братъ, полстаканчика!“

— Налить? Да гдѣ жь тутъ счастіе?
Мы подчуемъ счастливаго,
А ты что разсказалъ!

„Дослушай! будетъ счастіе!“

— Да въ чемъ же, говори!

„А вотъ въ чемъ. Мнѣ на родинѣ,
Какъ всякому крестьянину,
Хотѣлось умереть.
Изъ Питера, разслабленный,
Шальной, почти безъ памяти
Я на машину сѣлъ,
Ну, вотъ мы и поѣхали.
Въ вагонѣ, лихорадочныхъ,
Горячечныхъ работничковъ
Насъ много набралось,

Всѣмъ одного желалося,
Какъ мнѣ, попасть на родину,
Чтобъ дома помереть.
Однако нужно счастіе
И тутъ: мы лѣтомъ ѣхали,
Въ жарищѣ, въ духотѣ
У многихъ помутилися
Въ конецъ больныя головы,
Въ вагонѣ адъ пошелъ:
Тотъ стонетъ, тотъ катается,
Какъ оглашенный по полу,
Тотъ бредитъ жонкой, матушкой,
Ну, на ближайшей станціи
Такого и долой!
Глядѣлъ я на товарищей,
Самъ весь горѣлъ, подумывалъ —
Не сдобровать и мнѣ.
Въ глазахъ кружки багровые,
И все мнѣ, братецъ, чудится,
Что рѣжу пѣуновъ.
(Мы тоже пѣунятники,
Случалось въ годъ откармливать
До тысячи зобовъ).
Гдѣ вспомнились, проклятые!
Ужь я молиться пробовалъ,
Нѣтъ! все съ ума нейдетъ!

Повѣришь ли? вся партія
Передо мной трепещется!
Гортани перерѣзаны,
Кровь хлещетъ, а поютъ!
А я съ ножомъ: „Да полно вамъ!“
Ужь какъ Господь помиловалъ,
Что я не закричалъ?
Сижу, крѣплюсь... по счастію
День кончился, а къ вечеру
Похолодало, — сжалился
Надъ сиротами Богъ!
Ну, такъ мы и доѣхали
И я добрелъ на родину,
А здѣсь, по божьей милости,
И легче стало мнѣ...“

— Чего вы тутъ расхвастались
Своимъ мужицкимъ счастіемъ?
Кричитъ, разбитый на ноги,
Дворовый человѣкъ:
А вы меня поподчуйте:
Я счастливъ, видитъ Богъ!
У перваго боярина,
У князя Переметьева
Я былъ любимый рабъ.
Жена — раба любимая,

А дочка вмѣстѣ съ барышней
Училась и французскому
И всякимъ языкамъ,
Садиться позволялось ей
Въ присутствіи княжны...
Ой! какъ кольнуло... батюшки!...
(И началъ ногу правую
Ладонями тереть).
Крестьяне разсмѣялися.
— Чего смѣетесь, глупые,
Озлившись неожиданно
Дворовый закричалъ:
Я боленъ, а сказать ли вамъ,
О чемъ молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: „оставь мнѣ Господи,
Болѣзнь мою почетную,
По ней я дворянинъ!
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею
Болѣзнью благородною,
Какая только водится
У первыхъ лицъ въ имперіи,
Я боленъ, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтобъ получить ее

Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лѣтъ тридцать надо пить...
За стуломъ у свѣтлѣйшаго
У князя Переметьева
Я сорокъ лѣтъ стоялъ,
Съ французскимъ лучшимъ трюфелемъ
Тарелки я лизалъ,
Напитки иностранные
Изъ рюмокъ допивалъ...
Ну, наливай!

— Проваливай!
У насъ вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоимъ губамъ!

Желтоволосый, сгорбленный
Подкрался робко къ странникамъ
Крестьянинъ-бѣлорусъ,
Туда же къ водкѣ тянется,
„Налей и мнѣ маненичко,
Я счастливъ!“ говоритъ.

А ты не лѣзь съ ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чѣмъ счастливъ ты?

„А счастье наше въ хлѣбушкѣ:
Я дома въ Бѣлоруссіи
Съ мякиною, съ кострикою
Ячменный хлѣбъ жевалъ,
Бывало, вопишь голосомъ,
Какъ роженица корчишься,
Какъ схватитъ животы,
А нынѣ, милость Божія! —
До сыта у Губонина
Даютъ ржаного хлѣбушка —
Жую — не нажуюсь!“

Пришелъ какой-то пасмурный
Мужикъ съ скулой свороченной,
На право все глядитъ:
„Хожу я за медвѣдями
И счастье мнѣ великое:
Троихъ моихъ товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, богъ милостивъ!“

— А ну-ка влѣво глянь?

Не глянулъ, какъ ни пробовалъ,
Какія рожи страшныя
Ни корчилъ мужичокъ:

„Свернула мнѣ медвѣдица
Маленичко скулу!“
А ты съ другой помѣряйся,
Подставь ей щоку правую —
Поправитъ... Посмѣялися
Однако поднесли.

Оборванные нищіе,
Послышавъ запахъ пѣннаго,
И тѣ пришли доказывать,
Какъ счастливы они:
„Насъ у порога лавочникъ
Встрѣчаетъ подаяніемъ,
А въ домъ пойдемъ, такъ изъ дому
Проводятъ до воротъ...
Чуть запоемъ мы пѣсенку,
Бѣжитъ къ окну хозяюшка
Съ краюхою, съ ножомъ,
А мы то заливаемся:
„Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебѣ скорѣй, а намъ спорѣй...“

Смекнули наши странники,
Что даромъ водку тратили,

Да кстати и ведерочку
Конецъ. „Ну будетъ съ васъ!
Эй счастіе мужицкое!
Дырявое, съ заплатами,
Горбатое, съ мозолями,
Проваливай домой!“

„А вамъ бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина“,
Сказалъ подсѣвши къ странникамъ,
Деревни Дымоглотова
Крестьяннинъ Федосей:
„Коли Ермилъ не выручитъ,
Счастливцемъ не объявится,
Такъ и шататься нечего...“

— А кто такой Ермилъ?
Князь, что ли, графъ сіятельный?

„Не князь, не графъ сіятельный,
А просто онъ мужикъ!“

— Ты говори толковѣе,
Садись, а мы послушаемъ,
Какой такой Ермилъ?

„А вотъ какой: сиротскую
Держалъ Ермило мельницу
На Унжѣ. По суду
Продать рѣшили мельницу:
Пришолъ Ермило съ прочими
Въ палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Одинъ купецъ Алтынниковъ
Съ Ермиломъ въ бой вступилъ,
Не отстаетъ, торгуется,
Наноситъ по копѣечкѣ.
Ермило какъ разсердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купецъ опять копѣечку,
Пошло у нихъ сраженіе:
Купецъ его копѣйкою,
А тотъ его рублемъ!
Не устоялъ Алтынниковъ!
Да вышла тутъ оказія:
Тотчасъ же стали требовать
Задатковъ третью часть,
А третья часть — до тысячи,
Съ Ермиломъ денегъ не было,
Ужъ самъ ли онъ сплошалъ,
Схитрили ли подьячіе,

А дѣло вышло дрянь;
Повеселѣлъ Алтынниковъ:
„Моя выходитъ мельница!“

— „Нѣтъ!“ говоритъ Ермилъ,
Подходитъ къ предсѣдателю:
„Нельзя-ли вашей милости
Помѣшкать полчаса?“

— Что въ полчаса ты сдѣлаешь?

„Я деньги принесу!“

— А гдѣ найдешь? Въ умѣ-ли ты?
Верстъ тридцать-пять до мельницы,
А черезъ часъ присутствію
Конецъ, любезный мой!

„Такъ полчаса позволите?“

Пожалуй, часъ промѣшкаемъ! —

Пошелъ Ермилъ; подьячіе
Съ купцомъ переглянулися,
Смѣются, подлецы!
На площадь на торговую

Пришелъ Ермила (въ городѣ
Тотъ день базарный былъ),
Сталъ на возъ, видимъ: крестится,
На всѣ четыре стороны
Поклонъ — и громкимъ голосомъ
Кричитъ: „Эй люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вамъ скажу!“
Притихла площадь людная,
И тутъ Ермилъ про мельницу
Народу разсказалъ:
„Давно купецъ Алтынниковъ
Присватывался къ мельницѣ,
Да не плошалъ и я,
Разъ пять справлялся въ городѣ,
Сказали; съ переторжкою
Назначены торги.
Безъ дѣла, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселкомъ не рука:
Пріѣхалъ я безъ грошика,
Анъ глядь — они спроворили
Безъ переторжки торгъ!
Схитрили души подлыя,
Да и смѣются нехристи:
„Что часомъ ты подѣлаешь?

Гдѣ денегъ ты найдешь?“
А вось, найду, богъ милостивъ!
Хитры, сильны подьячіе,
А міръ ихъ посильнѣй,
Богатъ купецъ Алтынниковъ,
А все не устоять ему
Противъ мірской казны —
Ее какъ рыбу изъ моря
Вѣка ловить не выловить.
Ну, братцы! видитъ богъ,
Раздѣлаюсь въ ту пятницу!
Не дорога мнѣ мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу вѣрите,
Такъ выручайте, что-ль?...“

И чудо сотворилося —
На всей базарной площади
У каждаго крестьянина
Какъ вѣтромъ полу лѣвую
Заворотило вдругъ!
Крестьянство раскошелилось,
Несутъ Ермилу денежки,
Даютъ, кто чѣмъ богатъ.
Ермило парень грамотный!

Да некогда записывать,
Успѣй пересчитать!
Наклали шляпу полную
Цѣлковиковъ, лабанчиковъ,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнаціи.
Ермила бралъ — не брезговалъ
И мѣднымъ пятакомъ.
Еще бы сталъ онъ брезговать.
Когда тутъ попадалася
Иная гривна мѣдная
Дороже ста рублей!

Ужь сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: „бери, Ермилъ Ильичъ,
Отдашь, не пропадетъ!“
Ермилъ народу кланялся
На всѣ четыре стороны,
Въ палату шелъ со шляпою,
Зажавши въ ней казну.
Сдивилися подьячіе,
Позеленѣлъ Алтынниковъ,
Какъ онъ сполна всю тысячу
Имъ выложилъ на столъ!...
Не волчій зубъ, такъ лисій хвостъ.—

Пошли юлить подьячіе
Съ покупкой поздравлять!
Да не таковъ Ермилъ Ильичъ,
Не молвилъ слова лишняго,
Копѣйки не далъ имъ!

Глядѣть весь городъ съѣхался,
Какъ въ день базарный — пятницу
Черезъ недѣлю времени,
Ермилъ на той же площади
Разсчитывалъ народъ.
Упомнить гдѣ же всякаго?
Въ ту пору дѣло дѣлалось
Въ горячкѣ, въ торопяхъ;
Однако споровъ не было
И выдать гроша лишняго
Ермилу не пришлось.
Еще — онъ самъ разсказывалъ —
Рубль лишній, чей, богъ вѣдаетъ!
Остался у него.
Весь день съ мошной раскрытою
Ходилъ Ермилъ, допытывалъ,
Чей рубль? да не нашелъ.
Ужь солнце закатилося,
Когда съ базарной площади
Ермилъ послѣдній тронулся,

Отдавъ тотъ рубль слѣпымъ...
Такъ вотъ каковъ Ермилъ Ильичъ.

— Чуденъ! сказали странники:
Однако знать желательно —
Какимъ же колдовствомъ
Мужикъ надъ всей округою
Такую силу взялъ?

„Не колдовствомъ, а правдою.
Слыхали про Адовщину
Юрлова-князя вотчину?“

— Слыхали, ну такъ что-жь?

„Въ ней главный управляющій
Былъ корпуса жандармскаго
Полковникъ со звѣздой,
При немъ пять-шесть помощниковъ,
А нашъ Ермило писаремъ
Въ конторѣ состоялъ.

„Лѣтъ двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человѣкъ.

Къ нему подходишь къ первому,
А онъ и посовѣтуетъ
И справку наведетъ;
Гдѣ хватитъ силы — выручитъ,
Не спроситъ благодарности,
И дашь, такъ не возьметъ!
Худую совѣсть надобно
Крестьянину съ крестьянина
Копейку вымогать.

„Такимъ путемъ вся вотчина
Въ пять лѣтъ Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тутъ его и выгнали...
Жалѣли крѣпко Гирина,
Трудненько было къ новому,
Хапугѣ привыкать,
Однако, дѣлать нечего,
По времени приладились
И къ новому писцу.
Тотъ ни строки безъ трешника,
Ни слова безъ семишника,
Прожженный изъ кутейниковъ —
Ему и богъ велѣлъ!

Однако волей божіей
Недолго онъ поцарствовалъ, —

Скончался старый князь,
Пріѣхалъ князь молоденькой,
Прогналъ того полковника,
Прогналъ его помощника,
Контору всю прогналъ,
А намъ велѣлъ изъ вотчины
Бугмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысячъ душъ, всей вотчиной —
Кричимъ: „Ермилу Гирина!“
Какъ человѣкъ единъ!
Зовутъ Ермилу къ барину,
Поговоривъ съ крестьяниномъ,
Съ балкона князь кричитъ:
„Ну, братцы, будь по вашему,
Моей печатью княжеской
Вашъ выборъ утвержденъ:
Мужикъ проворный, грамотной,
Одно скажу: не молодъ ли?...“

А мы: — „нужды нѣтъ, батюшка,
И молодъ да уменъ!“
Пошелъ Ермило царствовать
Надъ всей княжою вотчиной,
И царствовалъ же онъ!
Въ семь лѣтъ мірской копеечки

Подъ ноготь не зажалъ,
Въ семь лѣтъ не тронулъ праваго,
Не попустилъ виновному,
Душой не покривилъ...“

— Стой! крикнулъ укорительно
Какой-то попикъ сѣденькой
Разсказсчику: — грѣшишь!
Шла борона прямехонько
Да вдругъ махнула въ сторону —
На камень зубъ попалъ!
Коли взялся разсказывать,
Такъ слова не выкидывай
Изъ пѣсни: или странникамъ
Ты сказку говоришь?...
Я зналъ Ермилу Гирина...

— „А я, небось, не зналъ?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да насъ перевели...“

— А коли зналъ ты Гирина,
То зналъ и брата Митрія,
Подумай-ка, дружокъ.

Разсказчикъ призадумался
И помолчавъ сказалъ:
„Совралъ я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Былъ случай, и Ермилъ мужикъ
Свихнулся: изъ рекрутчины
Меньшого брата Митрія
Повыгородилъ онъ.
Молчимъ: тутъ спорить нечего,
Самъ баринъ брата старосты
Забрить бы не велѣлъ,
Одна Ненила Власьевна
По сынѣ горько плачется,
Кричитъ: не нашъ чередъ!
Извѣстно, покричала бы,
Да съ тѣмъ бы и отъѣхала.
Такъ что же? Самъ Ермилъ,
Покончивши съ рекрутчиной,
Сталъ тосковать, печалиться,
Не пьетъ, не ѣстъ: тѣмъ кончилось,
Что въ денникѣ съ веревкою
Засталъ его отецъ. —
Тутъ сынъ отцу покаялся:
„Съ тѣхъ поръ, какъ сына Власьевны
Поставилъ я не въ очередь,
Постылъ мнѣ бѣлый свѣтъ!“

А самъ къ веревкѣ тянется.
Пытали уговаривать
Отецъ его и братъ,
Онъ все одно: „преступникъ я!
Злодѣй! вяжите руки мнѣ,
Ведите въ судъ меня!“
Чтобъ хуже не случилося,
Отецъ связалъ сердечнаго,
Приставилъ караулъ.

„Сошолся міръ шумитъ, галдитъ,
Такого дѣла чуднаго
Во-вѣкъ не приходилося
Ни видѣть, ни рѣшать.
Ермиловы семейные
Ужь не о томъ старалися,
Чтобъ мы имъ помирволили,
А строже разсуди —
Верни парнишку Власьевнѣ,
Не то Ермилъ повѣсится,
За нимъ не углядишь!
Пришелъ и самъ Ермилъ Ильичъ,
Босой, худой, съ колодками,
Съ веревкой на рукахъ,
Пришелъ, сказалъ: „была пора,
Судилъ я васъ по совѣсти,

Теперь я самъ грѣшнѣе васъ:
Судите вы меня!“
И въ ноги поклонился намъ.
Ни дать, ни взять юродивый,
Стоитъ, вздыхаетъ, крестится,
Жаль было намъ глядѣть,
Какъ онъ передъ старухою,
Передъ Ненилой Власьевной
Вдругъ на колѣни палъ!

„Ну, дѣло все обладилось,
У господина сильнаго
Вездѣ рука: сынъ Власьевны
Вернулся, сдали Митрія
Да, говорятъ, и Митрію
Не тяжело служить,
Самъ князь о немъ заботится.
А за провинность съ Гирина
Мы положили штрафъ:
Штрафныя деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевнѣ,
Часть міру на вино....

„Однако послѣ этого
Ермилъ не скоро справился,
Съ годъ какъ шальной ходилъ.

Какъ ни просила вотчина,
Отъ должности уволился,
Въ аренду снялъ ту мельницу
И сталъ онъ пуще прежняго
Всему народу любъ:
Бралъ за помолъ по совѣсти,
Народу не задерживалъ —
Прикащикъ, управляющій,
Богатые помѣщики
И мужики бѣднѣйшіе
Всѣ очереди слушались,
Порядокъ строгій велъ!
Я самъ ужь въ той губерніи
Давненько не бывалъ,
А про Ермилу слыхивалъ,
Народъ имъ не нахвалится,
Сходите вы къ нему."

— Напрасно вы проходите,
Сказалъ ужь разъ заспорившій,
Сѣдоволосый попъ:
Я зналъ Ермила Гирина,
Попалъ я въ ту губернію,
Назадъ тому лѣтъ пять.
(Я въ жизни много странствовалъ,
Преосвященный нашъ

Переводить священниковъ
Любилъ)... Съ Ермилой Гиринымъ
Сосѣди были мы.
Да! былъ мужикъ единственный!
Имѣлъ онъ все, что надобно
Для счастья: и спокойствіе,
И деньги, и почетъ,
Почетъ завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхомъ: строгой правдою
Умомъ и добротой!
Да только повторяю вамъ,
Напрасно вы проходите,
Въ острогѣ онъ сидитъ...

— Какъ такъ?

„А воля Божія!
Слыхалъ ли кто изъ васъ,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова
Испуганной губерніи
Уѣзда Недыханьева
Деревня Столбняки?...
Какъ о пожарахъ пишется
Въ газетахъ (я ихъ чиывалъ):

„Осталась неизвѣстною
Причина“ — такъ и тутъ:
До сей поры невѣдомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякамъ самимъ,
Съ чего стряслась оказія,
А вышло дѣло дрянь.
Потребовалось воинство,
Самъ государевъ посланный
Къ народу рѣчь держалъ,
То руганью попробуетъ
И плечи съ эполетами
Подыметъ высоко;
То лаской попробуетъ,
Да брань была тутъ лишняя,
А ласка непонятная:
„Крестьянство православное!
Русь матушка! царь батюшка!“
И больше ничего!
Побившись такъ достаточно,
Хотѣли ужь солдатикамъ
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тутъ мысль счастливая,
Онъ про Ермилу Гирина

Начальнику сказалъ:
„Народъ повѣритъ Гирину,
Народъ его послушаетъ...“
— Позвать его живѣй!

Вдругъ крикъ: „ай, ай! помилуйте!“
Раздавшись неожиданно
Нарушилъ рѣчь священника,
Всѣ бросились глядѣть:

У валика дорожнаго
Сѣкутъ лакея пьянаго --
Попался въ воровствѣ!
Гдѣ пойманъ, тутъ и судъ ему:
Судей сошлось десятка три,
Рѣшили дать по лозочкѣ,
И каждый далъ лозу!
Лакей вскочилъ и шлепая
Худыми сапожишками,
Безъ слова тягу далъ.
„Вишь побѣжалъ какъ встрепанный!“
Шутили наши странники,
Узнавши въ немъ балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болѣзнію
Отъ иностранныхъ винъ:

„Откуда прыть явилася?
Болѣзнь ту благородную
Вдругъ сняло какъ рукой!“

— Эй, ей! куда жь ты батюшка!
Ты доскажи исторію,
Какъ бунтовалась вотчина
Помѣщика Обрубкова
Деревни Столбняки?

„Пора домой, родимые;
Богъ дастъ опять мы встрѣтимся
Тогда и доскажу!“

Подъ утро поразъѣхались,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдругъ тройка съ колокольчикомъ
Откуда ни взялась,
Летитъ! а въ ней качается
Какой-то баринъ кругленькій,
Усатенькій, пузатенькій,
Съ сигарочкой во рту.
Крестьяне разомъ бросились

Къ дорогѣ, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились въ рядъ,
И тройкѣ съ колокольчикомъ
Загородили путь....

ГЛАВА V.

Помѣщикъ.

Сосѣдняго помѣщика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помѣщикъ былъ румяненькій,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лѣтъ;
Усы сѣдые, длинные,
Ухватки молодецкія,
Венгерка съ бранденбурами,
Широкія штаны. —
Гаврило Афанасьевичъ
Должно быть перетрусился,
Увидѣвъ передъ тройкою
Семь рослыхъ мужиковъ.
Онъ пистолетикъ выхватилъ

Какъ самъ, такой же толстенькій,
И дуло шестиствольное
На странниковъ навелъ:
— Ни съ мѣста! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На мѣстѣ уложу!....

Крестьяне разсмѣялися:
„Какіе мы разбойники,
Гляди — у насъ ни ножика,
Ни топоровъ, ни вилъ!“

— Ктожь вы? чего вамъ надобно?

„У насъ забота есть.
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Ты дай намъ слово крѣпкое
На нашу рѣчь мужицкую
Безъ смѣху и безъ хитрости
По правдѣ и по разуму,
Какъ должно, отвѣчать,
Тогда свою заботушку
Повѣдаемъ тебѣ...“

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю:

„Нѣтъ, ты намъ не дворянское,
Дай слово христіянское!
Дворянское съ побранкою,
Съ толчкомъ да съ зуботычиной,
То непригодно намъ!“

— Эге! какія новости!
А впрочемъ, будь по вашему!
Ну въ чемъ же ваша рѣчь?...

„Спрячь пистолетикъ! выслушай!
Вотъ такъ! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Изъ временно обязанныхъ
Подтянутой губерніи
Уѣзда Торпигорева,
Пустопорожней волости,
Изъ разныхъ деревень —
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка тожь.
Идя путемъ-дорогою,

Сказалъ: надѣньте шапочки,
Садитесь господа!"

— Мы господа не важные,
Передъ твоею милостью
И постоимъ...

„Нѣтъ! нѣтъ!
Прошу садиться, граждане!"

Крестьяне поупрямились,
Однако, дѣлать нечего,
Усѣлись на валу.

„И мнѣ присѣсть позволите?
Эй Трошка! рюмку хересу,
Подушку и коверъ!"

Расположась на коврикѣ
И выпивъ рюмку хересу,
Помѣщикъ началъ такъ:

„Я далъ вамъ слово честное,
Отвѣтъ держать по совѣсти,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,

Какъ съ вами говорить?
Сперва понять вамъ надо бы
Что значитъ слово самое:
Помѣщикъ, дворянинъ.
Скажите, вы, любезные,
О родословномъ деревѣ
Слыхали что-нибудь?“

— Лѣса намъ не заказаны —
Видали древо всякое!
Сказали мужики.

„Попали пальцемъ въ небо вы!...
Скажу вамъ вразумительнѣй:
Я роду именитаго,
Мой предокъ Оболдуй
Впервые поминается
Въ старинныхъ русскихъ грамотахъ
Два вѣка съ половиною
Назадъ тому. Гласитъ
Та грамата: „татарину
„Оболту Оболдуеву
„Дано суконце доброе,
„Цѣною въ два рубля:
„Волками и лисицами
„Онъ тѣшилъ государыню,

„Въ день царскихъ именинъ,
„Спускалъ медвѣдя дикаго
„ Съ своимъ, и Оболдуева
„Медвѣдь тотъ ободралъ“...
— Ну, поняли, любезные?

— Какъ не понять! Съ медвѣдями
Не мало ихъ шатается
Прохвостовъ и теперь.

„Вы все свое, любезные!
Молчать! ужь лучше слушайте
Къ чему я рѣчь веду:
Тотъ Оболдуй, потѣшившій
Звѣрями государыню,
Былъ корень роду нашему,
А было то, какъ сказано,
Съ залишкомъ двѣсти лѣтъ.
Прапрадѣдъ мой по матери
Былъ и того древнѣй:
„Князь Щепинъ съ Васькой Гусьевымъ“
(Гласитъ другая грамата):
„Пыталъ поджечь Москву,
„Казну пограбить думали,
„Да ихъ казнили смертію“,
А было то, любезные,
Безъ мала триста лѣтъ.

„Такъ вотъ оно откудова
То дерево дворянское
Идетъ, друзья мои!“

А ты, примѣрно, яблочко
Съ того выходишь дерева?
Сказали мужики.

„Ну, яблочко, такъ яблочко!
Согласенъ! благо поняли
Вы дѣло наконецъ.
Теперь — вы сами знаете —
Чѣмъ дерево дворянское
Древнѣй, тѣмъ именитѣе,
Почетнѣй дворянинъ
Не такъ ли, благодѣтели?“

— Такъ! отвѣчали странники:
— Кость бѣлая, кость черная,
И поглядѣть, такъ разныя, —
Имъ разный и почетъ!

„Ну, вижу, вижу: поняли!
Такъ вотъ, друзья — и жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.
Не только люди русскіе,

Сама природа русская
Покорствовала намъ.
Бывало ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ,
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою,
Крестьяне въ ноги валятся,
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса!
Пойдешь ли пашней, нивою,
Вся нива спѣлымъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ!
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
„Жирѣй-жирѣй до времени!"
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
„Гуляй-гуляй до осени!"
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: „я твоя!"

Краса и гордость русская
Бѣлѣли церкви божія

По горкамъ, по холмамъ
И съ ними въ славѣ спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками
И съ англійскими парками,
На каждомъ флагъ игралъ!
Игралъ-манилъ привѣтливо,
Гостепріимство русское
И ласку обѣщалъ,
Французу не привидятся
Во снѣ — какіе праздники,
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — цѣлый полкъ!

„Пять поваровъ, три слесаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантовъ
И двадцать-два охотника
Держалъ я... Боже мой!...“

Помѣщикъ закручинился,
Упалъ лицомъ въ подушечку,

Потомъ привсталъ, поправился,
— Эй, Прошка! закричалъ.
Лакей, по слову барскому,
Принесъ кувшинчикъ съ водкою.
Гаврило Афанасьевичъ,
Откушавъ, продолжалъ:
„Бывало, въ осень позднюю
Лѣса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкіе
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшіе
Лѣса полураздѣтые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкамъ
Борзовщики-разбойники,
Стоялъ помѣщикъ самъ,
А тамъ, въ лѣсу выжлятники
Ревѣли сорви-головы,
Варили-варомъ гончія,
Чу! подзываетъ рогъ!...
Чу! стая воетъ! сгрудилась!
Никакъ по звѣрю красному
Погнали?... улю-лю!
Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летитъ, хвостомъ мететъ!

Присѣли, притаилися,
Дрожа всѣмъ тѣломъ рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе къ намъ, молодчикамъ,
Подальше отъ кустовъ!
Пора! Ну, ну! не выдай конь!
Не выдайте собаченьки!
Эй — улю-лю!... а—ту!...“

Гаврила Афанасьевичъ,
Вскочивъ съ ковра персидскаго,
Махалъ рукой, подпрыгивалъ,
Кричалъ! Ему мерещилось,
Что травитъ онъ лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядѣли, любовалися,
Посмѣивались въ усъ...

„Ой ты охота псовая!
Забудутъ все помѣщики,
Но ты исконно-русская
Потѣха! не забудешься
Ни во вѣки вѣковъ!
Не о себѣ печалимся,

Намъ жаль, что ты, Русь-матушка,
Съ охотою утратила
Свой рыцарскій, воинственный,
Величественный видъ!
Бывало насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Своръ двадцать въ напуску,
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ,
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями, да съ музыкой
Мы двинемся впередъ,
На что кавалерійская
Дивизія твоя!
Летѣло время соколомъ,
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярскія
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Ни въ комъ противорѣчія,
Кого хочу помилую,
Кого хочу — казню.

Законъ — мое желаніе!
Кулакъ — моя полиція!
Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ скуловорррротъ...!“

Вдругъ какъ струна порвалася,
Осѣклась рѣчь помѣщичья.
Потупился, нахмурился,
— Эй, Прошка! закричалъ.
Глотнулъ — и мягкимъ голосомъ
Сказалъ: „вы сами знаете,
Нельзя же и безъ строгости?
Но я каралъ — любя.
Порвалась цѣпь великая —
Теперь не бьемъ крестьянина,
За то ужъ и отечески
Не милуемъ его.
Да, былъ я строгъ по времени,
А впрочемъ больше ласкою
Я привлекалъ сердца.

„Я въ Воскресенье свѣтлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался самъ!
Бывало накрывается

Въ гостиной столъ огромнѣйшій,
На немъ и яйца красныя
И пасха и куличъ!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгаютъ, цалуются
Съ послѣднимъ мужикомъ.
„Христосъ воскресъ!“ —„Во истину!“
Крестьяне разговляются,
Пьютъ брагу и вино...

„Передъ каждымъ почитаемымъ,
Двунадесятымъ праздникомъ
Въ моихъ парадныхъ горницахъ
Попъ всѣнощну служилъ.
И къ той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись — хоть лобъ разбей!
Страдало обоняніе,
Сбивали послѣ съ вотчины
Бабъ отмывать полы!
Да чистота духовная
Тѣмъ самымъ сберегалася,
Духовное родство!
Не такъ ли благодѣтели?“

— Такъ! отвѣчали странники,
А про себя подумали:
„Коломъ сбивалъ ихъ, что ли, ты
Молиться въ барскій домъ?...“

„За-то, скажу, не хвастая,
Любилъ меня мужикъ!
Въ моей сурминской вотчинѣ
Крестьяне все подрядчики,
Бывало дома скучно имъ,
Всѣ на чужую сторону
Отправятся съ весны...
Ждешь — не дождешься осени,
Жена, дѣтишки малые
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
„Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ!“
И точно: поверхъ барщины,
Холста, яицъ и живности,
Всего что на помѣщика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева — съ вареньями,
Изъ Астрахани — съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй

И съ шелковой матеріей:
Глядь—чмокнулъ руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакомства,
А мнѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!
Толкъ вызнали разбойники,
Небось не къ Кривоногову,
Къ французу забѣжитъ.
Тутъ съ ними разгуляешься,
Побратски побесѣдуешь,
Жена рукою собственной
По чаркѣ имъ нальетъ.
А дѣти тутъ же малыя
Посасываютъ прянички
Да слушаютъ досужіе
Разсказы мужиковъ —
Про трудные ихъ промыслы,
Про чуже-дальны стороны,
Про Петербургъ, про Астрахань,
Про Кіевъ, про Казань...

„Такъ вотъ, какъ, благодѣтели,
Я жилъ съ моею вотчиной,
Неправда-ль, хорошо?..."

— Да, было вамъ, помѣщикамъ,
Житье куды завидное,
Не надо умирать!

— И все прошло! все минуло!...
Чу! похоронный звонъ!...“

Прислушалися странники,
И точно изъ Кузминскаго
По утреннему воздуху
Тѣ звуки, грудь щемящіе,
Неслись: „Покой крестьянину
И царствіе небесное!“
Проговорили странники
И покрестились всѣ...

Гаврило Афанасьевичъ
Снялъ шапочку — и набожно
Перекрестился тожъ:
„Звонятъ не по крестьянину!
По жизни по помѣщичьей
Звонятъ!... Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай на вѣкъ!
Прощай и Русь помѣщичья!
Теперь не та ужь Русь!
Эй, Прошка!“ (выпилъ водочки
И посвисталъ),..

„Не весело
Глядѣть какъ измѣнилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Какъ будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни ѣдешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдетъ
Команда. Догадаешься:
Должно быть взбунтовалося
Въ избыткѣ благодарности
Селенье гдѣ нибудь!
А прежде, что тутъ мчалося
Колясокъ, бричекъ троечныхъ,
Дормезовъ шестерней!
Катитъ семья помѣщичья —
Тутъ маменьки солидныя,
Тутъ дочки миловидныя
И рѣзвые сынки!
Поющихъ колокольчиковъ,
Воркующихъ бубенчиковъ

Наслушаешься всласть.
А нынче чѣмъ разсѣешься?
Картиной возмутительной
Что шагъ — то пораженъ:
Кладбищемъ вдругъ повѣяло,
Ну значитъ приближаемся
Къ усадьбѣ... Боже мой!
Разобранъ по кирпичику
Красивый домъ помѣщичій
И аккуратно сложены
Въ колонны кирпичи!
Обширный садъ помѣщичій,
Столѣтьями взлелѣянный,
Подъ топоромъ крестьянина
Весь легъ; — мужикъ любуется
Какъ много вышло дровъ!
Черства душа крестьянина:
Подумаетъ ли онъ,
Что дубъ, сейчасъ имъ сваленный,
Мой дѣдъ рукою собственной
Когда то насадилъ?
Что вотъ подъ той рябиною
Рѣзвились наши дѣтушки
И Ганичка и Вѣрочка,
Аукались со мной?
Что тутъ, подъ этой липою

Жена моя призналась мнѣ,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашимъ первенцомъ,
И спрятала на грудь мою
Какъ вишня покраснѣвшее
Прелестное лицо?...
Ему была бы выгода
Радехонекъ помѣщичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ѣхать — совѣстно,
Мужикъ сидитъ — не двинется,
Не гордость благородную
Желчь чувствуешь въ груди.
Въ лѣсу не рогъ охотничій,
Звучитъ — топоръ разбойничій,
Шалятъ!.., а что подѣлаешь?
Кѣмъ лѣсъ убережешь?...
Поля — не доработаны,
Посѣвы — не досѣяны,
Порядку нѣтъ слѣда!
О матушка! о родина!
Не о себѣ печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты какъ вдова печальная
Стоишь съ косой распущенной,
Съ неубраннымъ лицомъ!...

„Усадьбы переводятся,
Въ замѣнъ ихъ расплажаются,
Питейные дома!...
Поятъ народъ распущенный,
Зовутъ на службы земскія,
Сажаютъ, учатъ грамотѣ,
Нужна ему она!
На всей тебѣ, Русь матушка,
Какъ клейма на преступникѣ,
Какъ на конѣ тавро,
Два слова нацарапаны:
„Навыносъ и распивочно“,
Чтобъ ихъ читать, крестьянина
Мудреной русской грамотѣ
Не стоитъ обучать!...

„А намъ земля осталася...
Ой ты, земля помѣщичья!
Ты намъ не мать, а мачиха
Теперь... „А кто велѣлъ?“
Кричатъ писаки праздные:
„Такъ вымогать, насиловать
Кормилицу свою!“
А я скажу: а кто же ждалъ?
Охъ! эти проповѣдники!
Кричатъ: „довольно барствовать!

Проснись, помѣщикъ заспанный!
Вставай! — учись! трудись!...“

„Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповѣдь.
Я не крестьянинъ-лапотникъ —
Я божіею милостью
Россійскій дворянинъ!
Россія — не нѣметчина,
Намъ чувства деликатныя,
Намъ гордость внушена!
Сословья благородныя
У насъ труду не учатся.
У насъ чиновникъ плохонькій
И тотъ половъ не вымететъ,
Не станетъ печь топить...
Скажу я вамъ, не хвастая,
Живу почти безвыѣздно
Въ деревнѣ сорокъ лѣтъ,
А отъ ржанаго колоса
Не отличу ячменнаго,
А мнѣ поютъ: „трудись!“

„А если и дѣйствительно
Свой долгъ мы ложно поняли
И наше назначеніе

Не въ томъ, чтобъ имя древнее
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью,
И жить чужимъ трудомъ,
Такъ надо было ранѣе
Сказать... Чему учился я?
Что видѣлъ я вокругъ?...
Коптилъ я небо божіе,
Носилъ ливрею пышную,
Сорилъ казну народную
И думалъ вѣкъ такъ жить...
И вдругъ... Владыко праведный!...

Помѣщикъ зарыдалъ...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали
Подумавъ про себя:
„Порвалась цѣпь великая
Порвалась, — разскочилася —
Однимъ концемъ по барину,
Другимъ по мужику!...“

КРЕСТЬЯНКА

ПРОЛОГЪ

„Не все между мужчинами
Отыскивать счастливаго,
Пощупаемъ-ка бабъ!“
Рѣшили наши странники
И стали бабъ опрашивать.
Въ селѣ Наготинѣ
Сказали, какъ отрѣзали:
„У насъ такихъ не водится,
А есть въ селѣ Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнѣе
И глаже — бабы нѣтъ.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофееву,
Она же: губернаторша...

Подумали — пошли.

Ужь налились колосики.
Стоятъ столбы точеные,

Головки золоченыя,
Задумчиво и ласково
Шумятъ. Пора чудесная!
Нѣтъ веселѣй, наряднѣе,
Богаче нѣтъ поры!
„Ой, поле многохлѣбпое!
Теперь и не подумаешь,
Какъ много люди божіи
Побились надъ тобой,
Покамѣстъ ты одѣлося
Тяжелымъ, ровнымъ колосомъ
И стало передъ пахаремъ
Какъ войско предъ царемъ!
Не столько росы теплыя,
Какъ потъ съ лица крестьянскаго
Увлажили тебя!...“

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменемъ идутъ.
Пшеница ихъ не радуетъ:
Ты тѣмъ передъ крестьяниномъ,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты по выбору,
За то не налюбуются
На рожь, что кормитъ всѣхъ.

„Льны тоже нонче знатные...
Ай! бѣдненькой! застрялъ!“
Тутъ жаворонка малаго,
Застрявшаго во льну,
Романъ распуталъ бережно,
Поцѣловалъ: „лети!“
И птичка въ высь помчалася,
За нею умиленные
Слѣдили мужики...

Поспѣлъ горохъ! Накинулись
Какъ саранча на полосу:
Горохъ, что дѣвку красную
Кто ни пройдетъ — щипнетъ!
Теперь горохъ у всякаго
У стараго, у малаго,
Разсыпался горохъ
На семдесятъ дорогъ!

Вся овощь огородная
Поспѣла! дѣти носятся
Кто съ рѣпой, кто съ морковкою,
Подсолнечникъ лущатъ,
А бабы свеклу дергаютъ,
Такая свекла добрая!
Точь въ точь сапожки красные
Лежатъ на полосѣ.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вотъ наконецъ и Клинъ.
Селенье незавидное:
Что ни изба — съ подпоркою,
Какъ нищій съ костылемъ;
А съ крышъ солома скормлена
Скоту. Стоятъ какъ остовы
Убогіе дома.
Ненастной, поздней осенью
Такъ смотрятъ гнѣзда галочьи,
Когда галчата вылетятъ,
И вѣтеръ придорожныя
Березы обнажитъ...
Народъ въ поляхъ — работаетъ.
Замѣтивъ за селеніемъ
Усадьбу на пригорочкѣ,
Пошли пока — глядѣть.

Огромный домъ, широкій дворъ,
Прудъ, ивами обсаженый;
Посереди двора.
Надъ домомъ башня высится,
Балкономъ окруженная,
Надъ башней шпиль торчитъ.

Въ воротахъ съ ними встрѣтился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: — „Вамъ кого?
Помѣщикъ за границею,
А управитель при смерти!...
И спину показалъ.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спинѣ двороваго
Былъ нарисованъ левъ.
„Ну штука!“ Долго спорили,
Что за нарядъ диковинный,
Пока Пахомъ догадливый
Загадки не рѣшилъ:
„Халуй хитеръ: стащитъ коверъ,
Въ коврѣ дыру продѣлаетъ,
Въ дыру просунетъ голову
Да и гуляетъ такъ!...“

Какъ прусаки слоняются
По нетопленой горницѣ,
Когда ихъ вымораживать
Надумаетъ мужикъ,
Въ усадьбѣ той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые бариномъ
На произволъ судьбы.

Все старые, все хворые
И какъ въ цыганскомъ таборѣ
Одѣты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

„Богъ на помощь! Какъ ловится?...“

— Всего одинъ карась!
А было ихъ до пропасти
Да крѣпко навалились мы.
Теперь — свищи въ кулакъ!

„Хоть бы пяточекъ вынули!“
Проговорила блѣдная,
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костеръ на берегу.

— Точеные-то столбики
Съ балкону что ли, умница?
Спросили мужики.

„Съ балкону!“

— То то высохли!
А ты не дуй! Сгорятъ они

Скорѣе, чѣмъ карасиковъ
Изловятъ на уху!

„Жду — не дождусь. Измаялся
На черствомъ хлѣбѣ Митенька,
Эхъ, горе — не житье!“

И тутъ она погладила
Полунагова мальчика.
(Сидѣлъ въ тазу заржавленномъ
Курносый мальчуганъ).

— А что? ему чай холодно,
Сказалъ сурово Провушка:
Въ желѣзномъ-то тазу?
И въ руки взять ребеночка
Хотѣлъ. Дитя заплакало,
А мать кричитъ: „Не тронь его!
Не видишь? Онъ катается!
Ну, ну! пошелъ! Колясочка
Вѣдь это у него!...

Что шагъ, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Одинъ дворовый мучился

У двери: ручки мѣдныя
Отвинчивалъ; другой
Несъ изразцы какіе-то.
„Наковырялъ, Егорушка?“
Откликнули съ пруда.
Въ саду ребята яблоню
Качали. — „Мало, дяденька!
Теперь они осталися
Ужь только на верху,
А было ихъ до пропасти!“

— Да что въ нихъ проку? зелены!

„Мы рады и такимъ!“

Бродили долго по саду:
„Затѣй-то! горы, пропасти!
И прудъ опять... Чай лебеди
Гуляли по пруду?...
Бесѣдка... стойте: съ надписью!...“
Демьянъ, крестьянинъ грамотный,
Читаетъ по складамъ.

„Эй, врешь!“ Хохочутъ странники...
Опять — и тоже самое
Читаетъ имъ Демьянъ.
(На силу догадалися,

Что надпись перепpавлена:
Затерты двѣ-три литеры,
Изъ слова благороднаго
Такая вышла дрянь!)

Замѣтивъ любознательность
Крестьянъ, дворовый сѣденькій
Къ нимъ съ книгой подошелъ:
„Купите!“ Какъ ни тужился,
Мудренаго заглавія
Не одолѣлъ Демьянъ:
— Садись ка ты помѣщикомъ
Подъ липой на скамеечку,
Да самъ ее читай!

„А тоже грамотѣями
Считаетесь!“ съ досадою
Дворовый прошипѣлъ:
„На что вамъ книги умныя?
Вамъ вывѣски питейныя
Да слово: воспрещается,
Что на столбахъ встрѣчается,
Достаточно читать!“

— „Дорожки такъ загажены,
Что срамъ! у дѣвокъ каменныхъ

Отшиблены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У халуя въ зобу!
Что церкви безъ священника,
Угодьямъ безъ крестьянина,
То саду безъ помѣщика!"
Рѣшили мужики:
„Помѣщикъ прочно строился,
Такую даль загадывалъ,
А вотъ..." (Смѣются шестеро,
Седьмой повѣсилъ носъ).
Вдругъ съ вышины откуда-то
Какъ грянетъ пѣсня! головы
Задрали мужики:
Вкругъ башни по балкончику
Похаживалъ въ подрясникѣ
Какой-то человѣкъ
И пѣлъ... Въ вечернемъ воздухѣ
Какъ колоколъ серебряный
Гудѣлъ громовый басъ...
Гудѣлъ — и прямо за сердце
Хваталъ онъ нашихъ странниковъ:
Не русскія слова,
А горе въ нихъ такое же,
Какъ въ русской пѣснѣ слышалось,

Безъ берегу, безъ дна.
Такіе звуки плавные,
Рыдающіе... „Умница,
Какой мужчина тамъ?"
Спросилъ Романъ у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

— Пѣвецъ Ново Архангельской.
Его изъ Малороссіи
Сманили господа.
Свезти его въ Италію
Сулились, да уѣхали...
А онъ бы радъ радехонекъ...
Какая ужь Италія?
Обратно въ Конотопъ,
Ему здѣсь дѣлать нечего...
Собаки домъ покинули,
(Озлилась круто жлнщина)
Кому здѣсь дѣло есть?...
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кромѣ голосу..."

— За то ужъ голосокъ!

„Не то еще услышите,

Какъ до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьяконъ... тоже съ голосомъ...
Такъ вотъ они затѣяли
По своему здороваться
На утренней зарѣ.
На башню какъ подымется
Да рявкнетъ нашъ: „Здо-ро-во-ли
Жи-вешь о-тецъ И-патъ?“
Такъ стекла затрещатъ!
А тотъ ему, оттуда-то:
„Здо-ро-во нашъ со ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!“ — И-ду!...
Иду-то это въ воздухѣ
Часъ цѣлый откликается...
Такіе жеребцы!...

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молокомъ.
Вздохнула мать Митюхина:
Хоть бы одна коровушка
На барскій дворъ вошла!
— Чу! пѣсня за деревнею,
Прощай, горюшка бѣдная!
Идемъ встрѣчать народъ.

Легко вздохнули странники:
Имъ послѣ дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецовъ и жницъ,
Все дѣло дѣвки красили
(Толпа безъ красныхъ дѣвушекъ,
Что рожь безъ васильковъ).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

„Что нужно, молодцы?“

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лѣтъ тридцати осьми.
Красива: волосъ съ просѣдью,
Глаза большіе, строгіе,
Рѣсницы богатѣйшія,
Сурова и смугла.
На ней рубаха бѣлая,
Да сарафанъ коротенькой
Да серпъ черезъ плечо.

„Что нужно вамъ, молодчики?“

Помалчивали странники
Покамѣстъ бабы прочія
Не поушли впередъ,
Потомъ поклонъ отвѣсили:
— Мы люди чужестранные,
У насъ забота есть.
Такая ли заботушка,
Что изъ домовъ повыжила,
Съ работой раздружила насъ,
Отбила отъ ѣды.
Мы мужики степенные,
Изъ временно-обязанныхъ,
Подтянутой губерніи,
Пустопорожней волости
Изъ смѣжныхъ деревень:
Несытова, Неѣлова,
Заплатова, Дырявина,
Горѣлокъ, Голодухина,
Неурожайка тожь.
Идя путемъ дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Романъ сказалъ: помѣщику,
Демьянъ сказалъ: чиновнику,
Лука сказалъ: попу,
Купчинѣ толстопузому,
Сказали братья Губины
Иванъ и Митродоръ.
Пахомъ сказалъ: свѣтлѣйшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Провъ сказалъ: царю...
Мужикъ что быкъ: втемяшится
Въ башку какая блажь —
Коломъ ее оттудова
Не выбьешь! Какъ ни спорили
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
Въ домишки не ворочаться,
Не видѣться ни съ женами,
Ни съ малыми ребятами,
Ни съ стариками старыми,
Покуда спору нашему
Рѣшенья не найдемъ,
Покуда не довѣдаемъ

Какъ ни на есть — доподлинно
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?...

Попа ужь мы довѣдали,
Довѣдали помѣщика,
Да прямо мы къ тебѣ!
Чѣмъ намъ искать чиновника,
Купца, министра царскаго,
Царя (еще допуститъ ли
Насъ, мужичонковъ, царь?)
Освободи насъ, выручи!
Молва идетъ всесвѣтная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по божески,
Въ чемъ счастіе твое?

Не то, чтобъ удивилася
Матрена Тимофеевна,
А какъ то закручинилась,
Задумалась она...

— Не дѣло вы затѣяли!
Теперь пора рабочая,
Досугъ ли толковать?...

— Полцарства мы промѣряли,
Никто намъ не отказывалъ!
Просили мужики.

— У насъ ужъ колосъ сыпется,
Рукъ не хватаетъ, милые...

— А мы на что, кума?
Давай серпы! Всѣ семеро,
Какъ станемъ завтра, — къ вечеру
Всю рожь тебѣ сожнемъ!

Смекнула Тимофеевна,
Что дѣло подходящее.
„Согласна“ говоритъ:
„Такіе-то вы бравые,
Нажнете, не замѣтите
Сноповъ по десяти“.

— А ты намъ душу выложи:

„Не скрою ничего!“

Покуда Тимофеевна
Съ хозяйствомъ управлялася,
Крестьяне мѣсто знатное

Избрали за избой:
Тутъ рига, коноплянники,
Два стога здоровенные,
Богатый огородъ.
И дубъ тутъ росъ—дубовъ краса.
Подъ нимъ присѣли странники:
„Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиковъ".

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Двѣ дюжія руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлѣбушка
И спрятались опять...
Гогочутъ братья Губины:
Такую рѣдьку схапали
На огородѣ — страсть!

Ужь звѣзды разсажалися
По небу темносинему,
Высоко мѣсяцъ сталъ,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашимъ странникамъ
„Всю душу открывать..."

ГЛАВА I.

До замужества

Мнѣ счастье въ дѣвкахъ выпало:
У насъ была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Какъ у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отецъ, поднявшись до-свѣту,
Будилъ дочурку ласкою,
А братъ веселой пѣсенкой:
Покамѣстъ одѣвается,
Поетъ: „вставай, сестра!
По избамъ обряжаются;
Въ часовенькахъ спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастухъ ужъ со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки въ боръ,
Въ поляхъ трудятся пахари,
Въ лѣсу стучитъ топоръ!“
Управится съ горшечками,
Всё вымоетъ, все выскребетъ,
Посадитъ хлѣбы въ печь, —

Идетъ родная матушка,
Не будитъ — пуще кутаетъ:
„Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
Въ чужой семьѣ—не дологъ сонъ!
Уложатъ спать позднехонько,
Придутъ будить до солнышка,
Лукошко припасутъ,
На донце бросятъ корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!...

Да не въ лѣсу родилася,
Не пеньямъ я молилася,
Не много я спала.
Въ день Семіона батюшка
Сажалъ меня на бурушку
И вывелъ изъ младенчества *)
По пятому годку,
А на седьмомъ за бурушкой
Сама я въ стадо бѣгала,
Отцу носила завтракать,
Утяточекъ пасла.
Потомъ грибы да ягоды,

*) Обычай.

Потомъ: бери-ка грабельки,
Да сѣно вороши!
Такъ къ дѣлу пріобыкла я...
И добрая работница,
И пѣть-плясать охотница
Я съ молоду была.
День въ полѣ проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенкѣ,
Березовому вѣничку,
Студеному ключу, —
Опять бѣла, свѣжехонька,
За прялицей съ подружками
До полночи поешь!

На парней я не вѣшалась,
Наяновъ обрывала я,
А тихому шепну:
„Я личикомъ разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..“ уйдетъ....

Да какъ я ихъ ни бѣгала,
А выискался суженой,

На горе — чужанинъ!
Филипъ Корчагинъ—питерщикъ,
По мастерству печникъ.
Родительница плакала:
„Какъ рыбка въ море синее
Юркнешь ты! какъ соловушко
Изъ гнѣздышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаромъ посыпана,
Не медомъ полита!
Тамъ холодно, тамъ голодно,
Тамъ холеную доченьку
Обвѣютъ вѣтры буйные,
Обграютъ черны вороны,
Облаютъ псы косматые,
И люди засмѣютъ!....“
А батюшка со сватами
Подвыпилъ. Закручинилась,
Всю ночь я не спала....

Ахъ! что ты парень въ дѣвицѣ
Нашелъ во мнѣ хорошаго?
Гдѣ высмотрѣлъ меня?
О святкахъ ли, какъ съ горокъ я
Съ ребятами, съ подругами
Каталась, смѣючись?

Ошибся ты, отецкій сынъ!
Съ игры, съ катанья, съ бѣганья,
Съ морозу разгорѣлося
У дѣвушки лицо!
На тихой ли бесѣдушкѣ?
Я тамъ была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвѣла какъ маковъ цвѣтъ!
А ты бы поглядѣлъ меня,
Какъ ленъ треплю, какъ снопики
На ригѣ молочу...
Въ дому-ли во родительскомъ?...
Ахъ! кабы знать! Послала-бы
Я въ городъ братца-сокола:
„Милъ-братецъ! шолку, гарусу
Купи семи цвѣтовъ,
Да гарнитуру синяго!“
Я по угламъ-бы вышила
Москву, царя съ царицею,
Да Кіевъ да Царьградъ,
А по середкѣ — солнышко,
И эту занавѣсочку
Въ окошкѣ-бы повѣсила,
Авось ты заглядѣлся бы, —
Меня бы промигалъ!...

Всю ночку я продумала...
„Оставь“, я парню молвила:
Я въ подневолье съ волюшки,
Богъ видитъ, не пойду!

— Такую даль мы ѣхали!
Иди! сказалъ Филипушка:
— Не стану обижать!

Тужила, горько плакала,
А дѣло дѣвка дѣлала:
На суженаго искоса
Поглядывала втай.
Пригожъ-румянъ, широкъ-могучъ,
Русъ волосомъ, тихъ говоромъ
Палъ на сердцѣ Филипъ!

— Ты стань-ка добрый молодецъ
Противъ меня прямехенько.
Стань на одной доскѣ!
Гляди мнѣ въ очи ясныя,
Гляди въ лицо румяное,
Подумывай, смѣкай:
Чтобъ жить со мной—не каяться,
А мнѣ съ тобой не плакаться,
Я вся тутъ такова!

— Небось. не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться!
Филипушка сказалъ.

Пока мы торговалися:
Филипу я: уйди ты прочь!
А онъ: — „иди со мной!“
Извѣстно: „ненаглядная,
Хорошая... пригожая...“
— Ай!... Вдругъ рванулась я...
„Чего ты? Эка силища!“
Не удержи — не видѣть-бы
Во вѣкъ ему Матренушки,
Да удержалъ Филипъ!
Пока мы торговалися,
Должно быть, такъ я думаю,
Тогда и было счастьеце...
А больше врядъ когда!

Я помню, ночка звѣздная
Такая же хорошая,
Какъ и теперь, была...

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унылымъ, тихимъ голосомъ
Пропѣла про себя:

Ты скажи за что,
Молодой купецъ,
Полюбилъ меня
Дочь крестьянскую?
Я не въ серебрѣ,
Я не въ золотѣ,
Жемчугами я
Не увѣшена!

— Чисто серебро —
Чистота твоя;
Красно золото —
Красота твоя;
Бѣлъ-крупенъ жемчугъ —
Изъ очей твоихъ
Слезы катятся...

Велѣлъ родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
Къ дубовому столу,
Съ краями чары налили:
„Бери подносъ, гостей-чужанъ
Съ поклономъ обноси!
Впервой я поклонилася —
Вздрогнули ноги рѣзвыя;

Второй я поклонилася —
Поблекло бѣло личико,
Я въ третій поклонилася
И волюшка *) скатилася
Съ дѣвичьей головы...

— Такъ значитъ: свадьба? Слѣдуетъ
Сказалъ одинъ изъ Губиныхъ:
Поздравить молодыхъ

— Давай! Начинъ съ хозяюшки,
— Пьешь водку Тимофеевна?

— Старухѣ — да не пить...

---

*) Во время послѣдней вечеринки, или порученья, съ невѣсты снимаютъ волю, т. е. ленту. которую носятъ дѣвицы до замужества.

ГЛАВА II.

Пѣсни.

У суда стоять
Ломить ноженьки,
Подъ вѣнцемъ стоять
Голова болитъ,
Голова болитъ,
Вспоминается
Пѣсня старая
Пѣсня грозная.
На широкій дворъ
Гости въѣхали,
Молоду жену
Мужъ домой привезъ,
А роденька-то
Какъ набросится!
Деверекъ ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекоръ батюшка —
Тотъ медвѣдицей,
А свекровушка —
Людоѣдицей,

11

Кто неряхою,
Кто непряхою...

Все, что въ пѣсенкѣ
Той пѣвалося,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай пѣвали вы?
Чай вы знаете?...

— Начинай, кума!
Намъ подхватывать...

Матрена.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонитъ голову на подушечку,
Свекоръ-батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Странники (хоромъ).

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена.

Спится мнѣ младенькой, дремлется,
Клонитъ голову на подушечку,
Свекровь матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Странники (хоромъ).

Стучитъ, гремитъ, стучитъ, гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань- ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая
Сварливая... попала я
Съ дѣвичьей холи въ адъ!
Въ работу мужъ отправился,
Молчать, терпѣть совѣтовалъ:
Не плюй на раскаленное
Желѣзо — зашипитъ!
Осталась я съ золовками
Со свекромъ, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!

На старшую золовушку,
На Марөу богомольную
Работай, какъ раба;
За свекоромъ приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань, и сядь съ примѣтою,
Не то свекровь обидится,
А гдѣ ихъ всѣ-то знать?
Примѣты есть хорошія,
А есть и бѣдокурныя.
Случалось такъ: свекровь
Надула въ уши свекору,
Что рожь добрѣе родится
Изъ краденыхъ семянъ.
Поѣхалъ ночью Тихонычъ,
Поймали, — полумертваго
Подкинули въ сарай...

Какъ велѣно, такъ сдѣлано:
Ходила съ гнѣвомъ на сердцѣ,
А лишняго не молвила
Словечка никому.
Зимой пришелъ Филипушка,
Привезъ платочекъ шелковой,
Да прокатилъ на саночкахъ

Въ Екатерининъ день *)
И горя словно не было!
Запѣла, какъ пѣвала я
Въ родительскомъ дому.
Мы были однолѣточки,
Нетрогай насъ — намъ весело,
Всегда у насъ лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, какъ Филипушка,
Со свѣчкой поискать...

— Ужъ будто не колачивалъ?

Замялась Тимофеевна:
— Разъ только, тихимъ голосомъ
Промолвила она.

— За что? спросили странники.

— Ужъ будто вы не знаете,
Какъ ссоры деревенскія
Выходятъ? Къ муженьку
Сестра гостить пріѣхала,
У ней коты разбилися.
— Дай башмаки Оленушкѣ,

*) Первое катанье на саняхъ.

Жена! сказалъ Филипъ.
А я не вдругъ отвѣтила,
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипъ Ильичъ прогнѣвался,
Пождалъ, пока поставила
Корчагу на шестокъ,
Да хлопъ меня въ високъ!
— Ну благо ты прiѣхала,
И такъ походишь! молвила
Другая, незамужняя
Филипова сестра.

Филипъ подбавилъ женушкѣ.
— Давненько не видались мы,
А знать бы — такъ не ѣхать бы!
Сказала тутъ свекровь.

Еще подбавилъ Филюшка...
И все тутъ! Не годилось бы
Женѣ побои мужнины
Считать; да ужь сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну женщины! съ такими-то

Змѣями подколодными
И мертвый плеть возьметъ!

Хозяйка не отвѣтила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чаркѣ выпили
И хоромъ пѣсню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

* *
*

Мой постылый мужъ
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается

Хоръ.

Плетка свиснула
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* *
*

Свекру-батюшкѣ
Поклонилася,
Свекоръ-батюшка,
Отними меня
Отъ лиха мужа,

Змѣя лютаго!
Свекоръ-батюшка
Велитъ больше бить:
Велитъ кровь пролить...

Хоръ.

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...
Ахъ! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

* *
*

Свекровь-матушкѣ
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
Отъ лиха-мужа,
Змѣя лютаго!
Свекровь-матушка
Велитъ больше бить,
Велитъ кровь пролить...

Хоръ.

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула:
Ахь! лели! лели!
Кровь пробрызнула.

Филипъ на Благовѣщенье
Ушелъ, а на Казанскую
Я сына родила.
Какъ писаный былъ Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снѣгу бѣлизна,
У маку губы алыя,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирскаго,
У сокола глаза!
Весь гнѣвъ съ души красавецъ мой
Согналъ улыбкой ангельской,
Какъ солнышко весеннее
Сгоняетъ снѣгъ съ полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велятъ — работаю,
Какъ ни бранятъ — молчу.

Да тутъ бѣда подсунулась:
Абрамъ Гордѣичъ Ситниковъ,
Господскій управляющій,
Сталъ крѣпко докучать:
— Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...
„Отстань, безстыдникъ! ягодка,
Да бору не того!“

Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Такъ въ избу прикатитъ!
Въ сараѣ, въ ригѣ спрячуся,—
Свекровь оттуда вытащитъ:
„Эй, не шути съ огнемъ!“
— Гони его, родимая,
По шеѣ! — „А не хочешь ты
Солдаткой быть?“ — Я къ дѣдушкѣ:
— Совѣтуй: какъ тутъ быть?

Изъ всей семейки мужниной
Одинъ Савелій дѣдушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалѣлъ меня... Разсказывать
Про дѣда, молодцы?

— Вали всю подноготную!
Накинемъ по два снопика,
Сказали мужики.

— Ну то-то! рѣчь особая.
Грѣхъ промолчать про дѣдушку,
Счастливецъ тоже былъ...

ГЛАВА III.

Савелій, богатырь святорусскій.

Съ большущей сивой гривою,
Чай двадцать лѣтъ нестриженой,
Съ большущей бородой,
Дѣдъ на медвѣдя смахивалъ,
Особенно какъ изъ лѣсу
Согнувшись выходилъ.
Дугой спина у дѣдушки.
Сначала все боялась я,
Какъ въ низенкую горенку
Входилъ онъ: ну распрямится?
Пробьетъ дыру медвѣдище
Въ свѣтелкѣ головой!
Да распрямиться дѣдушка
Не могъ: ему ужъ стукнуло
По сказкамъ сто годовъ.
Дѣдъ жилъ въ особой горницѣ,
Семейки не долюбливалъ,
Въ свой уголъ не пускалъ;
А та сердилась, лаялась,
Его „клейменымъ каторжнымъ"
Честилъ родной сынокъ.
Савелій не разсердится,

Уйдетъ въ свою свѣтелочку,
Читаетъ святцы, крестится,
Да вдругъ и скажетъ весело:
„Клейменый, да не рабъ!“...
А крѣпко досадятъ ему,
Подшутитъ: „поглядите-тко,
Къ намъ сваты!“ Незамужняя
Золовушка къ окну:
Анъ вмѣсто сватовъ — нищіе!
Изъ оловянной пуговки
Дѣдъ вылѣпилъ двугривенный,
Подбросилъ на полу —
Попался свекоръ-батюшка!
Не пьяный изъ питейнаго,
Побитый приплелся!
Сидятъ, молчатъ за ужиномъ:
У свекра бровь разсѣчена,
У дѣда словно радуга
Усмѣшка на лицѣ.

Съ весны до поздней осени
Дѣдъ бралъ грибы да ягоды,
Силочки становилъ
На глухарей, на рябчиковъ,
А зиму разговаривалъ
На печкѣ самъ съ собой.

Имѣлъ слова любимыя,
И выпускалъ ихъ дѣдушка
По слову черезъ часъ.

. . . .

„Погибшіе... пропащіе“...

. . . .

„Эхъ вы! Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать!...“

. . . .

„Недотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!...“

. . . .

„Эхъ, доля святорусскаго
Богатыря сермяжнаго!
Всю жизнь его дерутъ,
Раздумается временемъ
О смерти — муки адскія
Въ ту-свѣтной жизни ждутъ.“

. . . .

„Надумалась Корежина,
Наддай! наддай! наддай!....“

. . . .

И много! да забыла я....
Какъ свекоръ развоюется,
Бѣжала я къ нему.

Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко,
Въ вершинѣ старой яблони,
У дѣда на плечѣ
Сидитъ румяный, свѣженькой...

Вотъ разъ и говорю:

— За что тебя, Савельюшка,
Зовутъ клейменымъ, каторжнымъ?

— Я каторжникомъ былъ.
— Ты дѣдушка?
— Я внученька!
Я въ землю нѣмца Фогеля
Христьяна Христіаныча
Живого закопалъ....

— И полно! шутишь дѣдушка!

— Нѣтъ, не шучу. Послушай-ка!
И все мнѣ разсказалъ.

„Во времена досюльныя
Мы были тоже барскіе,
Да только ни помѣщиковъ,

Ни нѣмцевъ управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброковъ не платили мы,
А такъ, когда разсудится,
Въ три года разъ пошлемъ."

— Да какъ же такъ, Савельюшка?

„А были благодатныя
Такія времена.
Недаромъ есть пословица,
Что нашей-то сторонушки,
Три года чортъ искалъ.
Кругомъ лѣса дремучіе,
Кругомъ болота топкія,
Ни конному проѣхать къ намъ,
Ни пѣшему пройти!
Помѣщикъ нашъ Шалашниковъ
Черезъ тропы звѣриныя
Съ полкомъ своимъ—военный былъ,—
Къ намъ доступиться пробовалъ,
Да лыжи повернулъ!
Къ намъ земская полиція
Не попадала по году,
Вотъ были времена!

А ныньче — баринъ подъ бокомъ,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прахъ ее возьми!...
Насъ только и тревожили
Медвѣди... да съ медвѣдями
Справлялисъ мы легко.
Съ ножищемъ да съ рогатиной
Я самъ страшнѣй сохатаго,
По заповѣднымъ тропочкамъ
Иду: „мой лѣсъ!“ кричу.
Разъ только испугался я,
Какъ наступилъ на сонную
Медвѣдицу въ лѣсу.
И то бѣжать не бросился,
А такъ всадилъ рогатину.
Что словно какъ на вертелѣ
Цыпленокъ — завертѣлася,
И часу не жила!
Спина въ то время хруснула,
Побаливала изрѣдка,
Покуда молодъ былъ,
А къ старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очепъ *) я похожъ?

*) Деревенскій колодецъ.

— Ты началъ, такъ досказывай!
Ну жили — не тужили вы,
Что жь дальше, голова?

— По времени Шалашниковъ
Удумалъ штуку новую,
Приходитъ къ намъ приказъ:
„Явиться!“ Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
Въ болотинѣ своей.
Была засуха сильная.
Наѣхала полиція,
Мы дань ей — медомъ, рыбою!
Наѣхала опять,
Грозитъ съ конвоемъ выправить,
Мы шкурами звѣриными!
А въ третій — мы ничѣмъ!
Обули лапти старые,
Надѣли шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корежина!...
Пришли... (Въ губернскомъ городѣ
Стоялъ съ полкомъ Шалашниковъ),
„Оброкъ!“ — оброку нѣтъ!
— Хлѣба не уродилися,
Снѣточки не ловилися...

„Оброкъ!“ — Оброку нѣтъ!
Не сталъ и разговаривать:
„Эй! перемѣна первая!“
И началъ насъ пороть.

Туга мошна корежская!
Да стоекъ и Шалашниковъ:
Ужъ языки мѣшалися,
Мозги ужъ потрясалися
Въ головушкахъ — деретъ!
Укрѣпа богатарская.
Не розги!.. Дѣлать нечего!
Кричимъ: постой, дай срокъ!
Онучи распороли мы
И барину „лобанчиковъ“ *)
Подъ шапки поднесли.

Утихъ боецъ Шалашниковъ!
Такого-то горчайшаго
Поднесъ намъ травнику,
Самъ выпилъ съ нами, чокнулся
Съ Корегой покоренною:
Ну благо вы сдалися!
А то-вотъ Богъ! рѣшился я
Содрать съ васъ шкуру на-чисто...

*) Полуимперіалы.

На барабанъ напялилъ бы
И подарилъ полку!
Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочетъ, — радъ придумочкѣ):
Вотъ былъ бы барабанъ!“

Идемъ домой понурые...
Два старика кряжистые
Смѣются... „Ай кряжи!
Бумажки сторублевыя
Домой подъ подоплекою
Нетронуты несутъ!
Какъ уперлись: мы нищіе,
Такъ тѣмъ и отбоярились!“
Подумалъ я тогда:
Ну, ладно жь! черти сивые,
Впередъ не доведется вамъ
Смѣяться надо мной!
И прочимъ стало совѣстно,
На церковь побожилися:
„Впередъ не посрамимся мы,
Подъ розгами умремъ:“

Понравились помѣщику
Корежскіе лобанчики,
Что годъ, — зоветъ... деретъ...

Отмѣнно дралъ Шалашниковъ,
А не ахти великіе
Доходы получалъ:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливалъ:
Помалчивалъ, подумывалъ,
„Какъ ни дери, собачій сынъ,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что нибудь!“
Какъ приметъ дань Шалашниковъ,
Уйдемъ — и за заставою
Подѣлимъ барыши:
„Что денегъ-то осталося!
Дуракъ же ты Шалашниковъ!“
И тѣшилась надъ бариномъ
Корега въ свой чередъ!
Вотъ были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помѣщику
Тащатъ послѣдній грошъ!

За то купцами жили мы...

Подходитъ лѣто красное,
Ждемъ грамоты... Пришла...

А въ ней увѣдомленіе,
Что господинъ Шалашниковъ
Подъ Варною убитъ.
Жалѣть не пожалѣли мы,
А пала дума на сердце:
„Приходитъ благоденствію
Крестьянскому конецъ!"
И точно: небывалое
Наслѣдникъ средство выдумалъ:
Къ намъ нѣмца подослалъ.
Черезъ лѣса дремучіе,
Черезъ болота топкія
Пѣшкомъ пришелъ, шельмецъ!
Одинъ какъ перстъ: фуражечка
Да тросточка, а въ тросточкѣ
Для уженья снарядъ.
И былъ сначала тихенькой:
„Платите, сколько можете",
— Не можемъ ничего!
„Я барина увѣдомлю", —
— Увѣдомь!... Тѣмъ и кончилось.
Сталъ жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидитъ на рѣчкѣ съ удочкой
Да самъ себя то по носу,
То по лбу — бацъ да бацъ!

Смѣялись мы: „Не любишь ты
Корежскаго комарика...
Не любишь, нѣмчура?...“
Катается по бережку,
Гогочемъ дикимъ голосомъ,
Какъ въ банѣ на полкѣ...

Съ ребятами, съ дѣвчонками
Сдружился, бродитъ по лѣсу...
Не даромъ онъ бродилъ!
„Коли платить не можете,
Работайте!“ — А въ чемъ твоя
Работа? „Окопать
Канавами желательно
Болото“... Окопали мы...
„Теперь рубите лѣсъ...“
— Ну, хорошо! Рубили мы,
А нѣмчура показывалъ,
Гдѣ надобно рубить.
Глядимъ: выходитъ просѣка!
Какъ просѣку прочистили,
Къ болоту поперечины
Велѣлъ по ней возить.
Ну, словомъ: спохватились мы,
Какъ ужь дорогу сдѣлали,
Что нѣмецъ насъ поймалъ!

Поѣхалъ въ городъ парочкой!
Глядимъ, везетъ изъ города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У нѣмца босоногаго
Дѣтишки и жена.
Повелъ хлѣбъ-соль съ исправникомъ
И съ прочей земской властію,
Гостишекъ полонъ дворъ!

И тутъ настала каторга
Корежскому крестьянину —
До нитки разорилъ!
А дралъ... какъ самъ Шалашниковъ!
Да тотъ былъ простъ: накинется
Со всей военной силою,
Подумаешь: убьетъ!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать, ни взять раздувшійся
Въ собачьемъ ухѣ клещъ.
У нѣмца — хватка мертвая:
Пока не пуститъ по-міру
Не отойдя сосетъ!

— Какъ вы терпѣли, дѣдушка?

— А потому терпѣли мы,
Что мы — богатыри.
Въ томъ богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужикъ — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
Въ бою — а богатырь!

Цѣпями руки кручены,
Желѣзомъ ноги кованы,
Спина... лѣса дремучіе
Прошли по ней — сломалися.
А грудь? Илья Пророкъ
По ней гремитъ катается
На колесницѣ огненной...
Все терпитъ богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?

— Ты шутишь шутки, дѣдушка!
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучаго
Чай мыши заѣдятъ!

— Не знаю я, Матренушка.
Покамѣстъ тягу страшную
Поднять-то поднялъ онъ,
Да въ землю самъ ушелъ по грудь
Съ натуги. По лицу его
Не слезы — кровь течетъ!
Не знаю, не придумаю,
Что будетъ? Богу вѣдомо!
А про себя скажу:
Какъ выли вьюги зимнія,
Какъ ныли кости старыя,
Лежалъ я на печи;
Полеживалъ, подумывалъ:
Куда ты, сила, дѣлася?
На что ты пригодилася?
— Подъ розгами, подъ палками
По мелочамъ ушла!

— А что же нѣмецъ, дѣдушка?

— А нѣмецъ какъ ни властвовалъ,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лѣтъ терпѣли мы.
Застроилъ нѣмецъ фабрику,

Велѣлъ колодецъ рыть.
Вдевятеромъ копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотимъ.
Приходитъ нѣмецъ: „Только то?...“
И началъ насъ по своему,
Не торопясь пилить.
Стояли мы голодные,
А нѣмецъ насъ поругивалъ,
Да въ яму землю мокрую
Пошвыривалъ ногой.
Была ужъ яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнулъ его плечомъ,
Потомъ другой толкнулъ его,
И третій... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Другъ другу не глядѣли мы
Въ глаза... а всей гурьбой
Христьянъ Христіаныча
Поталкивали бережно
Все къ ямѣ... все на край...
И нѣмецъ въ яму бухнулся,
Кричитъ: веревку! лѣстницу!
Мы девятью лопатами

Отвѣтили ему.
„Наддай!“ я слово выронилъ, —
Подъ слово люди русскіе
Работаютъ дружнѣй. —
„Наддай! Наддай!“ Такъ наддали.
Что ямы словно не было —
Сравнялася съ землей!
Тутъ мы переглянулися...“

Остановился дѣдушка.

— Что-жь дальше?

— Дальше дрянь!
Кабакъ... острогъ въ Буй-городѣ,
Тамъ я учился грамотѣ,
Пока рѣшили насъ.
Рѣшенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое тамъ дранье!
Потомъ... бѣжалъ я съ каторги...
Поймали! не погладили
И тутъ по головѣ.
Заводскіе начальники
По всей Сибири славятся —

Собаку съѣли драть.
Да насъ диралъ Шалашниковъ
Больнѣй, — я не поморщился
Съ заводскаго дранья.
Тотъ мастеръ былъ—умѣлъ пороть!
Онъ такъ мнѣ шкуру выдѣлалъ,
Что носится сто лѣтъ!

А жизнь была не легкая!
Лѣтъ двадцать строгой каторги,
Лѣтъ двадцать поселенія.
Я денегъ прикопилъ,
По манифесту царскому
Попалъ опять на родину,
Пристроилъ эту горенку.
И здѣсь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили дѣда, холили,
Теперь въ глаза плюютъ!
Эхъ! вы, Аники-воины!
Со стариками, съ бабами
Вамъ только воевать...

Тутъ кончилъ рѣчь Савельюшка...

— Ну, что-жь? сказали странники:

Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!

— Не весело досказывать.
Одной бѣды богъ миловалъ:
Холерой умеръ Ситниковъ, —
Другая подошла.

„Наддай!“ сказали странники
(Имъ слово полюбилося)
И выпили винца...

ГЛАВА IV.

Демушка.

Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На деревѣ гнѣздо.
Горитъ и стонетъ дерево,
Горятъ и стонутъ пташечки:
„Ой, матушка: гдѣ ты?
А ты бы насъ похолила
Пока не оперились мы!

Какъ крылья отростимъ,
Въ долины, въ рощи тихія
Мы сами улетимъ!“
До тла сгорѣло дерево,
До тла сгорѣли птеньчики,
Тутъ прилетѣла мать.
Ни дерева... ни гнѣздышка...
Ни птенчиковъ!... Поетъ-зоветъ...
Поетъ, рыдаетъ, кружится,
Такъ быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистятъ!...
Настала ночь, весь міръ затихъ,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвыхъ не докликалась
До бѣлаго утра!...

Носила я Демидушку
По поженкамъ... лелѣяла...
Да взъѣлася свекровь,
Какъ зыкнула, какъ рыкнула:
„Оставь его у дѣдушки,
Не много съ нимъ нажнешь!“
Запугана, заругана
Перечить не посмѣла я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
Въ тотъ годъ у насъ родилася:
Наземомъ не скупясь
Мы землю удоволили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнеѣ!
Снопами нагружала я
Телѣгу со стропилами
И пѣла, молодцы.
(Телѣга нагружается
Всегда съ веселой пѣснею,
А сани съ горькой думою;
Телѣга хлѣбъ домой везетъ,
А сани — на базаръ!).
Вдругъ стоны я услышала:
Ползкомъ ползетъ Савелій-дѣдъ,
Блѣднешенекъ, какъ смерть:
„Прости, прости, Матренушка!“
И повалился въ ноженьки:
„Мой грѣхъ — не доглядѣлъ!“...

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнѣзда подъ берегомъ,
Подъ берегомъ крутымъ!
Что день — то прибавляется
Вода въ рѣкѣ: зальетъ она

Дѣтенышей твоихъ.
Ой, бѣдная молодушка!
Сноха въ дому послѣдняя,
Послѣдняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишнія,
А съ глазу неразумнаго
Младенца не спускай!...

Заснулъ старикъ на солнышкѣ,
Скормилъ свиньямъ Демидушку
Придурковатый дѣдъ!...
Я клубышкомъ катилася,
Я червышкомъ свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!...

Чу! конь стучитъ копытами,
Чу, сбруя золочоная
Звенитъ... еще бѣда!
Ребята испугалися,
По избамъ разбѣжалися,
У оконъ замѣталися
Старухи, старики.
Бѣжитъ деревней староста,
Стучитъ въ окошки палочкой,

Бѣжитъ въ поля, въ луга.
Собралъ народъ: идутъ—крехтятъ!
Бѣда! Господь прогнѣвался,
Наслалъ гостей непрошеныхъ,
Неправедныхъ судей!
Знать деньги издержалися,
Сапожки протопталися,
Знать голодъ разобралъ!...

Молитвы Іисусовой
Не сотворивъ, усѣлися
У земскаго стола,
Налой и крестъ поставили,
Привелъ нашъ попъ, отецъ Иванъ,
Къ присягѣ понятыхъ.

Допрашивали дѣдушку,
Потомъ за мной десятника
Прислали. Становой
По горницѣ похаживалъ,
Какъ звѣрь въ лѣсу порыкивалъ...
Эй! женка! состояла ты
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Въ сожительствѣ? Винись!
Я шепоткомъ отвѣтила:
„Обидно, баринъ, шутите!

Жена я мужу честная,
А старику Савелію
Сто лѣтъ... Чай знаешь самъ?“
Какъ въ стойлѣ конь подкованный
Затопалъ; о кленовый столъ
Ударилъ кулакомъ:
„Молчать! Не посогласью ли
Съ крестьяниномъ Савеліемъ
Убила ты дитя?...“
Владычица! что вздумали!
Чуть міроѣда этого
Не назвала я нехристемъ,
Вся закипѣла я...
Да лѣкаря увидѣла:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивалъ онъ тутъ.
Вздрогнула я, одумалась.
— Нѣтъ,—говорю,— я Демушку
Любила, берегла...
„А зельемъ не поила ты?
А мышьяку не сыпала?“
— Нѣтъ! сохрани Господь!...
И тутъ я покорилася,
Я въ ноги поклонилася:
„Будь жалостливъ, будь добръ!
Вели безъ поруганія

Честному погребенію
Ребеночка предать!
Я мать ему!..." Упросишь ли:
Въ груди у нихъ нѣтъ душеньки,
Въ глазахъ у нихъ нѣтъ совѣсти
На шеѣ — нѣтъ креста!

Изъ тонкой изъ пеленочки
Повыкатили Демушку
И стали тѣло бѣлое
Терзать и пластовать.
Тутъ свѣту я невзвидѣла, —
Металась и кричала я:
„Злодѣи, палачи!...
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на Господень храмъ!
Падите прямо на-сердце
Злодѣю моему!
Ты дай же, Боже — Господи!
Чтобъ тлѣнъ пришелъ на платьеце,
Безумье на головушку
Злодѣя моего!
Жену ему не умную
Пошли дѣтей — юродивыхъ!
Прими, услыши, Господи,

Молитвы, слезы матери
Злодѣя накажи!... *)

-- Никакъ она помѣшана?
Сказалъ начальникъ соцкому:
— Чтожь ты не упредилъ?
Эй! не дури! связать велю!...

Присѣла я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лѣкаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартукомъ завѣшана,
Въ одной рукѣ — широкій ножъ,
Въ другой ручникъ,—и кровь на немъ—
А на носу очки!
Такъ тихо стало въ горницѣ...
Начальничекъ помалчивалъ,
Поскрипивалъ перомъ,
Попъ трубочкой попыхивалъ,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
„Ножемъ въ сердцахъ читаете“,

*) Взято почти буквально изъ народнаго причитанья.

Сказалъ священникъ лѣкарю,
Когда злодѣй у Демушки
Сердечко распласталъ.
Тутъ я опять рванулася...
„Ну такъ и есть — помѣшана!
Связать ее!“ десятнику
Начальникъ закричалъ.
Сталъ понятыхъ опрашивать:
„Въ крестьянкѣ Тимофеевой
И прежде помѣшательство
Вы примѣчали?“

— Нѣтъ!

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

— Не примѣчали, нѣтъ!

Спросили дѣда стараго:

— Не примѣчалъ! ровна была...
Одно: къ начальству кликнули,
Пошла... а ни цѣлковика,
Ни новины, пропащая,
Съ собой и не взяла!

Заплакалъ на-взрыдъ дѣдушка.
Начальничекъ нахмурился,
Ни слова не сказалъ.
И тутъ я спохватилася;
Прогнѣвался Богъ: разуму
Лишилъ! была готовая
Въ коробкѣ новина!
Да поздно было каяться.
Въ моихъ глазахъ по косточкамъ
Изрѣзалъ лекарь Демушку,
Цыновочкой прикрылъ.
Я словно деревянная
Вдругъ стала: заглядѣлась я,
Какъ лѣкарь руки мылъ,
Какъ водку пилъ. Священнику
Сказалъ: прошу покорнѣйше!
А попъ ему: „Что просите?
Безъ прутика, безъ кнутика
Всѣ ходимъ, люди грѣшные,
На этотъ водопой!“

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися,
(Откуда только бралися
У коршуна налетнаго
Корыстныя дѣла!)

Безъ церкви помолилися,
Безъ образа накланялись!
Какъ вихорь налетѣлъ —
Рвалъ бороды начальничекъ,
Какъ лютый звѣрь наскакивалъ —
Ломалъ перстни злаченые...
Потомъ онъ кушать сталъ.
Пилъ-ѣлъ, съ попомъ бесѣдовалъ,
Я слышала, какъ шопотомъ
Попъ плакался ему:
„У насъ народъ – все голь да пьянъ,
За свадебку, за исповѣдь
Должаютъ по годамъ.
Несутъ гроши послѣдніе
Въ кабакъ! А благочинному
Одни грѣхи тащатъ!“
Потомъ я пѣсни слышала,
Все голоса знакомые,
Дѣвичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу, пляска! чу, гармонія!...
И вдругъ затихло все...
Заснула, видно, что ли, я?...
Легко вдругъ стало: чудилось
Что кто-то наклоняется
И шепчетъ надо мной:

„Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!“
И креститъ.... Съ рукъ скатилися
Веревки.... Я не помнила
Потомъ ужъ ничего....

Очнулась я. Темно кругомъ.
Гляжу въ окно — глухая ночь!
Да гдѣ же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни мѣсяца ни звѣздъ.
Сплошная туча чорная
Висѣла надъ деревнею,
Темны дома крестьянскіе,
Одна пристройка дѣдова
Сіяла, какъ чертогъ.
Вошла — и все я вспомнила:
Свѣчами воску ярато
Обставленъ, среди горенки
Дубовый столъ стоялъ,
На немъ гробочекъ крохотный,
Прикрытъ камчатной скатертью,
Икона въ головахъ....
„Ой, плотнички работнички!

Какой вы домъ построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стекольшки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нѣтъ перинушки...
Ой, жестко будетъ Демушкѣ,
Ой, страшно будетъ спать!...

„Уйди!...“ вдргъ закричала я,
Увидѣла я дѣдушку:
Въ очкахъ, съ раскрытой книгою
Стоялъ онъ передъ гробикомъ
Надъ Демою читалъ.
Я старика столѣтняго
Звала клейменымъ, каторжнымъ.
Гнѣвна, грозна кричала я:
„Уйди! убилъ ты Демушку!
Будь проклятъ ты... уйди!...

Старикъ ни съ мѣста. Крестится,
Читаетъ... Уходилась я,
Тутъ дѣдко подошелъ:
„Зимой тебѣ, Матренушка,
Я жизнь мою разсказывалъ,
Да разсказалъ не все:

Лѣса у насъ угрюмые,
Озера нелюдимыя,
Народъ у насъ дикарь·
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медвѣдя рѣжь рогатиной,
Сплошаешь — самъ пропалъ!
А господинъ Шалашниковъ
Съ своей воинской силою?
А нѣмецъ — душегубъ?
Потомъ острогъ да каторга...
Окаменѣлъ я, внученька,
Лютѣе звѣря былъ.
Сто лѣтъ зима безсмѣнная
Стояла. Ростопилъ ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качалъ его,
Вдругъ улыбнулся Демушка....
И я ему въ отвѣтъ!
Со мною чудо сталося:
Третьево-дни прицѣлился
Я въ бѣлку: на суку
Качалась бѣлка... лапочкой
Какъ кошка умывалася...
Не выпалилъ: живи!
Брожу по рощамъ, по лугу,

Любуюсь каждымъ цвѣтикомъ.
Иду домой, опять
Смѣюсь, играю съ Демушкой...
Богъ видитъ, какъ я милаго
Младенца полюбилъ!
И я же, по грѣхамъ моимъ,
Сгубилъ дитя невинное...
Кори, казни меня!
А съ Богомъ спорить нечего:
Стань! помолись за Демушку!
Богъ знаетъ, что творитъ:
Сладка ли жизнь крестьянина?"

И долго, долго дѣдушка
О горькой долѣ пахаря
Съ тоскою говорилъ...
Случись купцы московскіе,
Вельможи государевы,
Самъ царь случись: не надо бы
Ладнѣе говорить!

„Теперь въ раю твой Демушка,
Легко ему, свѣтло ему..."

Заплакалъ старый дѣдъ.

— Я не ропщу, сказала я,
Что Богъ прибралъ младенчика,
А больно то, зачѣмъ они
Ругалися надъ нимъ?
Зачѣмъ какъ черны вороны
На части тѣло бѣлое
Терзали?... Неужли
Ни Богъ, ни царь невступится?...

„Высоко Богъ, далеко царь..."

— Нужды нѣтъ: я дойду!

„Ахъ! что ты? что ты, внученька?...
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Намъ правды не найти.

— Да почему же, дѣдушка?

„Ты—крѣпостная женщина!"
Савельюшка сказалъ.

Я долго горько думала...
Громъ грянулъ,—окна дрогнули,
И я вздрогнула... Къ гробику

Подвелъ меня старикъ:
„Молись, чтобъ къ лику ангеловъ
Господь причислилъ Демушку!“
И далъ мнѣ въ руки дѣдушка
Горящую свѣчу.

Всю ночь до свѣту бѣлаго
Молилась я, а дѣдушка
Протяжнымъ, ровнымъ голосомъ
Надъ Демою читалъ....

ГЛАВА V.

Волчица.

Ужь двадцать лѣтъ, какъ Демушка
Терновымъ одѣялечкомъ
Прикрытъ,—все жаль сердечнаго!
Молюсь о немъ, въ ротъ яблока
До Спаса не беру *).

*) Примѣта: Если мать умершаго младенца станетъ ѣсть яблоки до Спаса (когда они поспѣваютъ), то Богъ въ наказаніе не дастъ на томъ свѣтѣ ея умершему младенцу «яблочка поиграть».

Не скоро я оправилась.
Ни съ кѣмъ не говорила я,
А старика Савелія
Я видѣть не могла.
Работать не работала.
Надумалъ свекоръ-батюшка
Возжами поучить,
Такъ я ему отвѣтила:
„Убей!“ Я въ ноги кланялась:
„Убей! одинъ конецъ!“
Повѣсилъ возжи батюшка.
На Деминой могилочкѣ
Я день и ночь жила.
Платочкомъ обмѣтала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорѣе поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителямъ:
Забыли дочь свою!
Собакъ моихъ боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
— Ахъ, нѣтъ, родная, нѣтъ!
Собакъ твоихъ не боязно,
Семьи твоей не совѣстно,
А ѣхать сорокъ верстъ
Свои бѣды разсказывать,

Твои бѣды выспрашивать
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы пріѣхали,
Да ту мы думу думали:
Пріѣдемъ—ты расплачешься,
Уѣдемъ — заревешь!

Пришла зима: кручиною
Я съ мужемъ подѣлилася,
Въ Савельевой пристроечкѣ
Тужили мы вдвоемъ.

— Чтожъ, умеръ, что ли дѣдушка?

— Нѣтъ. Онъ въ своей коморочкѣ
Шесть дней лежалъ безвыходно,
Потомъ ушелъ въ лѣса.
Такъ пѣлъ, такъ плакалъ дѣдушка,
Что лѣсъ стоналъ! А осенью
Ушелъ на покаяніе
Въ Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
Съ Филипомъ побывала я,
За дѣло принялась.
Три года, такъ считаю я,

Недѣля за недѣлею,
Однимъ порядкомъ шли,
Что годъ, то дѣти: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Богъ съ работой справиться
Да лобъ перекрестить!
Поѣшь — когда останется
Отъ старшихъ да отъ дѣточекъ,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое: —
Къ кому оно привяжется
До смерти не избыть!

Впереди летитъ — яснымъ соколомъ,
Позади летитъ — чернымъ ворономъ,
Впереди летитъ — не укатится,
Позади летитъ — не останется...

Лишилась я родителей....
Слыхали ночи темныя,
Слыхали вѣтры буйные
Сиротскую печаль.
А вамъ нѣтъ нужды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянномъ крестикѣ
Складная, золоченная
Икона. передъ ней
Я старца распростертаго
Увидѣла. — Савеллюшка!
Откуда ты взялся?

—Пришелъ я изъ Песочнаго...
Молюсь за Дему бѣднаго,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелій кланялся),
Чтобъ сердце гнѣвной матери
Смягчилъ Господь.... Прости!"

— Давно простила, дѣдушка!

Вздохнулъ Савелій... Внученька!
А, внученька!" — Что дѣдушка?
„По прежнему взгляни!

Взглянула я по прежнему.
Савельюшка засматривалъ
Мнѣ въ очи; спину старую

Пытался разогнуть.
Совсѣмъ сталъ бѣлой дѣдушка.
Я обняла старинушку
И долго у креста
Сидѣли мы и плакали.
Я дѣду горе новое
Повѣдала свое...

Недолго прожилъ дѣдушка.
По осени у стараго
Какая-то глубокая
На шеѣ рана сдѣлалась,
Онъ трудно умиралъ:
Сто дней не ѣлъ! хирѣлъ да сохъ,
Самъ надъ собой подтрунивалъ:
„Не правда ли, Матренушка
На комара корежскаго
Костлявый я похожъ?“
То доброй былъ,сговорчивой,
То злился, привередничалъ,
Пугалъ насъ: „Не паши,
Не сѣй, крестьянинъ! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами
Крестьянка не сиди!
Какъ вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,

Того не миновать!
Мужчинамъ три дороженьки:
Кабакъ, острогъ да каторга,
А бабамъ на Руси
Три петли: шелку бѣлаго,
Вторая — шелку краснаго,
А третья — шелку черваго,
Любую выбирай!...
Въ любую полѣзай..."
Такъ засмѣялся дѣдушка,
Что всѣ въ коморкѣ вздрогнули,—
И къ ночи умеръ онъ.
Какъ приказалъ — исполнили:
Зарыли рядомъ съ Демою...
Онъ жилъ сто-семь годовъ.

Четыре года тихіе,
Какъ близнецы похожіе,
Прошли потомъ... Всему
Я покорилась: первая
Съ постели Тимофеевна,
Послѣдняя -- въ постель;
За всѣхъ, про всѣхъ работаю,
Съ свекрови, съ свекра пьяняго,

Съ золовушки бракованой *)
Снимаю сапоги...
Лишь дѣточекъ не трогайте!
За нихъ горой стояла я...
Случилось молодцы,
Зашла къ намъ богомолочка:
Сладкорѣчивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по божески
Учила насъ угодница,
По праздникамъ къ заутрени
Будила... а потомъ
Потребовала странница,
Чтобъ грудью не кормили мы
Дѣтей по постнымъ днямъ.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середамъ, по пятницамъ
Кричатъ! Иная мать
Сама надъ сыномъ плачущимъ
Слезами заливается:
И Бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!

---

*) Если младшая сестра выйдетъ замужъ ранѣе старшей, то первая называется бракованой.

Я только не послушалась,
Судила я по своиму:
Коли терпѣть, такъ матери,
Я передъ Богомъ грѣшница,
А не дитя мое!

Да видно Богъ прогнѣвался,
Какъ восемь лѣтъ исполнилось
Сыночку моему,
Въ подпаски свекоръ сдалъ его.
Однажды жду Ѳедотушку, —
Скотина ужь пригналася, —
На улицу иду.
Тамъ видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась въ толпу.
Гляжу, Ѳедота блѣднаго
Силантій держитъ за ухо.
— Что держишь ты его?
Посѣчь хотимъ маненичко:
Овечками прикармливать
Надумалъ онъ волковъ!"
Я вырвала Ѳедотушку,
Да съ ногъ Силантья старосту
И сбила невзначай.

Случилось дѣло дивное:
Пастухъ ушелъ; Ѳедотушка
При стадѣ былъ одинъ.
„Сижу я“, — такъ разсказывалъ
Сынокъ мой, — на пригорочкѣ,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищемъ хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бѣгать молодецъ,
Да гдѣ бы окаянную
Нагнать, кабы не щонная:
У ней сосцы волочились,
Кровавымъ слѣдомъ, матушка,
За нею я гнался!

— „Пошла потише сѣрая
Идетъ, идетъ — оглянется,
А я какъ припущу!
И сѣла... Я кнутомъ ее:
„Отдай овцу, проклятая!“
Не отдаетъ, сидитъ...
Я не сробѣлъ: такъ вырву же,
Хоть умереть!...“ И бросился

И вырвалъ... Ничего, —
Не укусула сѣрая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкаетъ,
Да дышетъ тяжело.
Подъ ней рѣка кровавая,
Сосцы тракой изрѣзаны,
Всѣ ребра на счету.
Глядитъ, поднявши голову,
Мнѣ въ очи... и завыла вдругъ!
Завыла, какъ заплакала.
Пощупалъ я овцу:
Овца была ужь мертвая...
Волчица такъ ли жалобно
Глядѣла, выла... Матушка!
Я бросилъ ей овцу!...“

Такъ вотъ что съ парнемъ сталося.
Пришелъ въ село, да, глупенькій,
Все самъ и разсказалъ,
За то и сѣчь надумали.
Да благо подоспѣла я...
Сілантій осерчалъ,
Кричитъ: „чего толкаешься?
Самой подъ розги хочется?“
А Марья, та свое:

„Дай, пусть проучатъ глупаго!
И рветъ изъ рукъ Ѳедотушку.
Ѳедотъ какъ листъ дрожитъ.

Трубятъ рога охотничьи,
Помѣщикъ возвращаатся
Съ охоты. Я къ нему:
— Не выдай! Будь заступникомъ!
„Въ чемъ дѣло?“ Кликнулъ старосту
И мигомъ порѣшилъ:
„Подпаска малолѣтняго
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примѣрно наказать!“

„Ай, баринъ!“ Я подпрыгнула:
„Освободилъ Ѳедотушку!
Иди домой, Ѳедотъ!“

— Исполнимъ повелѣнное!
Сказалъ мірянамъ староста:
— Эй! погоди плясать!

Сосѣдка тутъ подсунулась:
— А ты бы въ ноги старостѣ!...

„Иди домой, Ѳедотъ!

Я мальчика погладила:
„Смотри: коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!

Изъ пѣсни слово выкинуть
Такъ пѣсня вся нарушится.
Легла я молодцы...
. . . .

Въ Ѳедотову коморочку
Какъ кошка я прокралася:
Спитъ мальчикъ, бредитъ, мечется;
Одна рученка свѣсилась,
Другая на глазу
Лежитъ, въ кулакъ зажатая:
Ты плакалъ, что ли, бѣдненькій?
Спи. Ничего. Я тутъ!
Тужила я по Демушкѣ,
Какъ имъ была беременна, —
Слабенекъ родился,
Однако, вышелъ умница:
На фабрикѣ Алферова
Трубу такую вывели
Съ родителемъ, что страсть!

Всю ночь надъ нимъ сидѣла я,
Я пастушка любезнаго
До солнца подняла,
Сама обула въ лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожокъ и кнутъ дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на рѣчку быструю,
Избрала я мѣсто тихое
У ракитова куста.
Сѣла я на сѣрый камушекъ,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди заступникъ-батюшка!
Посмотри на дочь любимую...
Понапрасну я звала.
Нѣтъ великой оборонушки!
Рано гостья безподсудная,
Безплемянная, безродная
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались вѣтры буйные,
Откликались горы дальнія,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
Въ ночь — ночная богомольница!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла въ безповоротпую,
Незнакомую дороженьку,
Куда вѣтеръ не доносится,
Не дорыскиваетъ звѣрь...

Нѣтъ великой оборонушки!
Кабы знали вы, да вѣдали,
На кого вы дочь покинули,
Что безъ васъ я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — какъ травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гнѣвное ношу!...

ГЛАВА VI.

Трудный годъ.

Въ тотъ годъ необычайная
Звѣзда играла на небѣ;
Одни судили такъ:
Господь по небу шествуетъ
И ангелы его
Метутъ метлою огненной *)
Передъ стопами божьими
Въ небесномъ полѣ путь;
Другіе тоже думали,
Да только на Антихриста,
И чуяли бѣду.
Сбылось: пришла безхлѣбица!
Братъ брату не уламывалъ
Куска! Былъ страшный годъ...
Волчицу ту Өедотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа съ ребятишками
Я на нее была!
Да тутъ еще свекровушка

*) Комета.

Примѣтой прислужилася,
Сосѣдкамъ наплела,
Что я бѣду накликала,
А чѣмъ? Рубаху чистую
Надѣла въ Рождество *).
За мужемъ, за заступникомъ,
Я дешево отдѣлалась;
А женщину одну
Никакъ за тоже самое
Убили на смерть кольями,
Съ голоднымъ не шути!...

Одной бѣдой не кончилось,
Чуть справились съ безхлѣбицей—
Рекрутчина пришла.
Да я не безпокоилась:
Ужь за семью Филипову
Въ солдаты братъ ушелъ.
Сижу одна, работаю,
И мужъ и оба деверя
Уѣхали съ утра;
На сходку свекоръ-батюшка
Отправился, а женщины

*) Примѣта: не надѣвай чистую рубаху въ Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля).

Къ сосѣдкамъ разбрелись.
Мнѣ крѣпко нездоровилось,
Была я Ліодорушкой
Беременна: послѣдніе
Дохаживала дни.
Управившись съ ребятами,
Въ большой избѣ подъ шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы къ вечеру,
Нѣтъ только свекра-батюшки,
Ждутъ ужинать его.
Пришелъ: „Охъ-охъ! умаялся,
А дѣло не поправилось,
Пропали мы, жена!
Гдѣ видано, гдѣ слыхано:
Давно ли взяли старшаго,
Теперь меньшого дай!
Я по годамъ высчитывалъ,
Я міру въ ноги кланялся,
Да міръ у насъ какой?
Просилъ бурмистра: божится,
Что жаль, да дѣлать нечего!
И писаря просилъ,
Да правды изъ мошенника
И топоромъ не вырубишь,
Что тѣни изъ стѣны!

Задаренъ... всѣ задарены...
Сказать бы губернатору,
Такъ онъ бы задалъ имъ!
Всего и попросить-то бы,
Чтобъ онъ по нашей волости
Очередныя росписи
Повѣрить повелѣлъ.
Да сунься-ка!...“ Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнемъ горю!
Горю... Богъ вѣсть, что думаю...
Не дума... бредъ... Голодныя
Стоятъ сиротки-дѣточки
Передо мной... Не ласково
Глядитъ на нихъ семья,
Они въ дому шумливыя,
На улицѣ драчливыя,
Обжоры за столомъ...
И стали ихъ пощипывать,
Въ головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

. . . .

Теперь ужъ я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,

Одежѣ и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючихъ слезъ, засѣяно
Три полосы бѣдой!
. . . .
Теперь, какъ виноватая,
Стою передъ сосѣдями:
Простите! я была
Спѣсива, непоклончива,
Нечаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Какъ жить самой? Какъ дѣточекъ
Поить, кормить, ростить?...
. . . .
Послала дѣтокъ по міру:
Просите, дѣтки, ласкою,
Не смѣйте воровать!
А дѣти въ слезы: „Холодно!
На насъ одежа рваная,
Съ крылечка на крылечко-то
Устанемъ мы ступать,
Подъ окнами натопчемся,
Иззябнемъ... У богатаго

Намъ боязно просить.
„Богъ дастъ!“ отвѣтятъ бѣдные...
Ни съ чѣмъ домой воротимся,—
Ты станешь насъ бранить!...

. . . .

Собрала ужинъ; матушку
Зову золовокъ, деверя,
Сама стою голодная
У двери, какъ раба.
Свекровь кричитъ: „Лукавая!
Въ постель скорѣй торопишься?“
А деверь говоритъ:
„Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Какъ солнышко зайдетъ!“

. . . .

Получше нарядилась я,
Пошла я въ церковь божію,
Смѣхъ слышу за собой!

. . . .

Хорошо не одѣвайся,
До-бѣла не умывайся,
У сосѣдокъ очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,

Носи голову пониже,
Коли весело — не смѣйся
Не поплачь съ тоски!

. . . .

Пришла зима безсмѣнная,
Поля, луга зеленые
Попрятались подъ снѣгъ.
На бѣломъ, снѣжномъ саванѣ
Ни талой нѣтъ талиночки, —
Нѣтъ у солдатки-матери
На всемъ мiру дружка!
Съ кѣмъ думушку подумати?
Съ кѣмъ словомъ перемолвиться?
Какъ справиться съ убожествомъ?
Куда обиду сбыть?
Въ лѣса — лѣса повяли бы,
Въ луга — луга сгорѣли бы!
Во быструю рѣку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бѣдная,
Съ собой ее по гробъ!

. . . .

Нѣтъ мужа, нѣтъ заступника!
Чу, барабанъ! Солдатики
Идутъ... Остановилися...

Построились въ ряды.
„Живѣй!“ Филипа вывели
На середину площади:
„Эй! перемѣна первая!“
Шалашниковъ кричитъ.
Упалъ Филипъ: — Помилуйте!
„А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха ха!
Укрѣпа богатырская,
Не розги у меня...“

. . . .

И тутъ я съ печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, —
Все тихо, спитъ семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Изъ Домниной избы,
Гдѣ парни деревенскіе
И дѣвки собиралися, —
Гремѣла пѣсня складная,
Любимая моя...

„На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходилъ къ ней батюшка,

Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!
  Я не йду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...
  На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдемъ домой!
Ефимовна, пойдемъ домой!
  Я не йду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ...
  На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходилъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:
Машенька, пойдемъ домой!
Душа Ефимовна, пойдемъ домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть".

ГЛАВА VII.

Губернаторша

Почти бѣгомъ бѣжала я
Черезъ деревню, — чудилось,
Что съ пѣсней парни гонятся
И дѣвицы за мной.
За Клиномъ оглядѣлась я:.
Равнина бѣлоснѣжная,
Да небо съ яснымъ мѣсяцемъ,
Да я да, тѣнь моя...
Не жутко и не боязно
Вдругъ стало, — словно радостью
Такъ и вздымало грудь...
Спасибо вѣтру зимнему!
Онъ какъ водой студеною
Больную напоилъ:
Обвѣялъ буйну голову,
Разсѣялъ думы черныя,

Разсудокъ воротилъ.
Упала на колѣни я:
„Открой мнѣ, Матерь Божія,
Чѣмъ Бога прогнѣвила я?
Владычица! во мнѣ
Нѣтъ косточки неломаной,
Нѣтъ жилочки нетянутой,
Кровинки нѣтъ непорченой —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богомъ данную,
Въ работу полагаю я,
Всю въ дѣточекъ любовь!
Ты видишь все, Владычица,
Ты можешь все, заступница!
Спаси рабу свою!...“

Молиться въ ночь морозную
Подъ звѣзднымъ небомъ божіимъ
Люблю я съ той поры.
Бѣда пристигнетъ — вспомните
И женамъ посовѣтуйте:
Усерднѣй не помолишься
Нигдѣ и никогда.
Чѣмъ больше я молилася,
Тѣмъ легче становилося
И силы прибавлялося,

Чѣмъ чаще я касалася
До бѣлой снѣжной скатерти
Горящей головой...

Потомъ въ дорогу тронулась...
Знакомая дороженька!
Ѣзжала я по ней.
Поѣдешь раннимъ вечеромъ,
Такъ утромъ вмѣстѣ съ солнышкомъ
Поспѣешь на базаръ.
Всю ночь я шла, — не встрѣтила
Живой души, подъ городомъ
Обозы начались.
Высокіе, высокіе
Возы сѣнца крестьянскаго,
Жалѣла я коней:
Свои кормы законные
Везутъ съ двора, сердечные,
Чтобъ послѣ голодать.
И такъ-то все, я думала:
Рабочій конь солому ѣстъ,
А пустоплясъ -- овесъ!
Нужда съ кулемъ тащилася, —
Мучица чай не лишняя,
Да подати не ждутъ!
Съ посада подгороднаго

Торговцы-колотырники
Бѣжали къ мужикамъ;
Божба, обманъ, ругательство!

Ударили къ заутрени,
Какъ въ городъ я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторскій
Дворецъ на площади.
Темна, пуста площадочка,
Передъ дворцомъ начальника
Шагаетъ часовой.

— Скажи, служивой, рано ли
Начальникъ просыпается?
„Не знаю. Ты иди!
Намъ говорить не велѣно!“
(Дала ему двугривенный):
„На то у губернатора
Особый есть швейцаръ“.
— А гдѣ онъ? какъ назвать его?
„Макаромъ Ѳедосѣичемъ...
На лѣстницу поди“!
Пошла, да двери заперты,
Присѣла я, задумалась,
Ужь начало свѣтать.

Пришелъ фонарщикъ съ лѣстницей,
Два тусклые фонарика
На площади задулъ.

„Эй! что ты тутъ разсѣлася?“

Вскочила, испугалась я:
Въ дверяхъ стоялъ въ халатикѣ
Плѣшивый человѣкъ.
Скоренько я цѣлковинькой
Макару Ѳедосѣичу
Съ поклономъ подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!

„Пускать-то васъ не велѣно,
Да... ничего!... толкнись-ка ты
Такъ... черезъ два часа...“

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоитъ изъ мѣди кованный
Точь въ точь Савелій дѣдушка
Мужикъ на площади.

— Чей памятникъ? „Сусанина“.
Я передъ нимъ помѣшкала,
На рынокъ побрела.
Тамъ крѣпко испугалась я,
Чего? Вы не повѣрите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый сѣрый селезень,
Сталъ парень догонять его,
А онъ какъ закричитъ!
Такой былъ крикъ, что за душу
Хваталъ — чуть не упала я,
Такъ подъ ножомъ кричатъ!
Поймали! шею вытянулъ
И зашипѣлъ съ угрозою,
Какъ будто думалъ повара
Бѣдняга успугать.
Я прочь бѣжала, думала:
Утихнетъ сѣрый селезень
Подъ поварскимъ ножомъ!

Теперь дворецъ начальника
Съ балкономъ, съ башней, съ лѣстницей,
Ковромъ богатымъ устланной,
Весь сталъ передо мной.
На окна поглядѣла я:

Завѣшаны. „Въ которомъ то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко-ль спишь, желанный мой,
Какіе видишь сны?“...

Сторонкой, не по коврику
Прокралась я въ швейцарскую.

„Раненько ты, кума!“

Опять я испугалася,
Макара Ѳедосѣича
Я не узнала: выбрился,
Надѣлъ ливрею шитую,
Взялъ въ руку булаву,
Какъ не бывало лысины,
Смѣется. — „Что ты вздрогнула?“

— Устала я, родной!

А ты не трусь! Богъ милостивъ!
..Ты дай еще цѣлковенькой,
Увидишь — удружу!“

Дала еще цѣлковенькой,

„Пойдемъ въ мою коморочку,
Попьешь пока чайку!“

Коморочка подъ лѣстницей:
Кровать да печь желѣзная,
Шандалъ да самоваръ.
Въ углу лампадка теплится,
А по стѣнѣ картиночки.
„Вотъ онъ!“ сказалъ Макаръ:
„Его превосходительство!“
И щелкнулъ пальцемъ браваго
Военнаго въ звѣздахъ.

— Да добрый ли? спросила я.

„Какъ стихъ найдетъ! Сегодня вотъ
Я тоже добръ, а временемъ
Какъ песъ бываю золъ.“

— Скучаешь видно, дяденька?
„Нѣтъ, тутъ статья особая,
Не скука тутъ — война!
И Самъ, и люди вечеромъ
Уйдутъ, а къ Ѳедосѣичу
Въ коморку врагъ: поборемся!
Борюсь я десять лѣтъ.

Какъ выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки какъ накуришься,
Какъ эта печь накалится,
Да свѣчка нагоритъ —
Такъ тутъ устой!...“

Я вспоминла
Про богатырство дѣдово:
— Ты, дядюшка,—сказала я,—
Должно быть богатырь.

„Не богатырь я, милая,
А силой тотъ не хвастайся,
Кто сна не поборалъ!“

Въ коморку постучалися,
Макаръ ушелъ... Сидѣла я,
Ждала, ждала... соскучилась,
Пріотворила дверь.
Къ крыльцу карету подали.
— Самъ ѣдетъ? „Губернаторша!“
Отвѣтилъ мнѣ Макаръ
И бросился на лѣстницу.
По лѣстницѣ спускалася
Въ собольей шубѣ барыня,
Чиновничекъ при ней.

Не знала я, что дѣлала,
(Да видно надоумила
Владычица!)... Какъ брошусь я
Ей въ ноги: „Заступись!
Обманомъ, не побожески
Кормильца и родителя
У дѣточекъ берутъ!“

— Откуда ты, голубушка?

Впопадъ ли я отвѣтила —
Не знаю... Мука смертная
Подъ сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
Въ богатой, свѣтлой горницѣ,
Подъ пологомъ лежу;
Противъ меня — кормилица,
Нарядная, въ кокошникѣ,
Съ ребеночкомъ сидитъ:
— Чье дитятко, красавица?
„Твое!“ — Поцѣловала я
Рожоное дитя...

Какъ въ ноги губернаторшѣ
Я пала, какъ заплакала,

Какъ стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомѣрная,
Упередилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторшѣ,
Еленѣ Александровнѣ,
Я столько благодарна ей,
Какъ матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лiодорушка
Младенцу избрала...

— А что же съ мужемъ сталося?

— Послали въ Клинъ нарочнаго,
Всю истину довѣдали —
Филипушку спасли.
Елена Александровна
Ко мнѣ его, голубчика,
Сама,— дай богъ ей счастiе! —
За руку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А дѣтокъ не далъ Богъ!
Пока у ней гостила я

Все время съ Ліодорушкой
Носилась какъ съ роднымъ.

Весна ужь начиналася,
Березка распускалася,
Какъ мы домой пошли...

Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ Божіемъ!
Хорошо, легко
Ясно на сердцѣ.

Мы идемъ, идемъ —
Остановимся,
На лѣса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаемъ,
Какъ шумятъ-бѣгутъ
Воды вешнія,
Какъ поетъ звенитъ
Жавороночекъ!
Мы стоимъ, глядимъ...
Очи встрѣтятся —
Усмѣхнемся мы,

Усмѣхнется намъ
Ліодорушка.

А увидимъ мы
Старца нищаго,
Подадимъ ему
Мы копѣечку:
„Не за насъ молись“,
Скажемъ старому:
„Ты молись, старикъ.
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!“

И увидимъ мы
Церковь божію,
Передъ церковью
Долго крестимся:
Дай ей Господи
Радость — счастіе,
Доброй душенькѣ
Александровнѣ!“

Зеленѣетъ лѣсъ,
Зеленѣетъ лугъ,
Гдѣ низиночка —
Тамъ и зеркало!

Хорошо, свѣтло
Въ мірѣ божіемъ,
Хорошо, легко
Ясно на сердцѣ.
По водамъ плыву
Бѣлымъ лебедемъ,
По степямъ бѣгу —
Перепелочкой.

Прилетѣла въ домъ
Сизымъ голубемъ...
Поклонился мнѣ
Свокоръ-батюшка;
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья,
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися.
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вамъ:
Тому кланяться,
Кто сильнѣй меня, —
Кто добрѣй меня,
Тому славу пѣть.

Кому славу пѣть?
Губернаторшѣ!
Доброй душенькѣ
Александровнѣ!

ГЛАВА VII.

Бабья притча.

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чаркѣ осушить.
И видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
Къ ней подошли гуськомъ:
— Что-жъ дальше?
— Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену съ той поры...
Что дальше? Домомъ правлю я,
Ращу дѣтей... На радость-ли?
Вамъ тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянскіе

Порядки нескончаемы —
Ужь взяли одного!

Красивыми рѣсницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспѣшно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мѣшкали,
Шептались. — Ну, хозяюшка!
Что скажешь намъ еще?

— А то, что вы затѣяли
Не дѣло — между бабами
Счастливую искать!...

— Да все ли разсказала ты?

— Чего-же вамъ еще?

Не то-ли вамъ разсказывать,
Что дважды погорѣли мы,
Что Богъ сибирской язвою
Насъ трижды посѣтилъ?
Потуги лошадиныя
Несли мы: погуляла я
Какъ меринъ въ боронѣ!...

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота?...

Чего же вамъ еще!
Сулилась душу выложить
Да видно не сумѣла я, —
Простите, молодцы!
Не горы съ мѣста сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Богъ стрѣлой громовою
Во гнѣвѣ грудь пронзилъ,
По мнѣ — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
Какъ по змѣѣ растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мнѣ обиды смертныя
Прошли не отплачоныя,
И плеть по мнѣ прошла!
Я только не отвѣдала, —
Спасибо! умеръ Ситниковъ, —
Стыда неискупимаго,
Послѣдняго стыда!
А вы — за счастьемъ сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы къ чиновнику,
Къ вельможному боярину,
Идите вы къ царю,
А женщинъ вы не трогайте!
Вотъ Богъ! ни съ чѣмъ проходите

До гробовой доски!
Къ намъ наночь попросилася
Одна старушка божія:
Вся жизнь убогой странницы
Убійство плоти, постъ;
У гроба Іисусова
Молилась, на Аѳонскія
Всходила высоты,
Во Іордань-рѣкѣ купалася...
И та святая старица
Разсказывала мнѣ:
„Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!
Отцы-пустынножители
И жены непорочныя
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ — не найдутъ!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба ихъ...
Въ веригахъ, изможденные
Голодные, холодные
Прошли Господни ратники
Пустыни, города —
И у волхвовъ выспрашивать
И по звѣздамъ высчитывать

Пытались, — нѣтъ ключей!
Весь Божій міръ извѣдали,
Въ горахъ, въ подземныхъ пропастяхъ
Искали... Наконецъ
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоцѣнимые,
А все — не тѣ ключи!
Пришлись они, — великое
Избраннымъ людямъ божіимъ
То было торжество, —
Пришлись къ рабамъ-невольникамъ:
Темницы растворилися,
По миру вздохъ прошелъ.
Такой ли громкій, радостный!..
А къ нашей женской волюшкѣ
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Великіе сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Подъ небо подымаются —
Все нѣтъ и нѣтъ ключей!
Да врядъ они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи тѣ заповѣдные,
Въ какихъ моряхъ та рыбина
Гуляетъ — Богъ забылъ!...“

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. А. Некрасова

НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ ЦЕНЗУРНЫЯ ИЗДАНІЯ

ИЗЪ ПОЭМЫ

ПИРЪ НА ВЕСЬ МІРЪ

СОЛЕНАЯ

Никто какъ Богъ!
Не ѣстъ, не пьетъ
Меньшой сынокъ,
Гляди – умретъ!
Дала кусокъ,
Дала другой –
Не ѣстъ, кричитъ:

„Посыпь сольцей“.

А соли нѣтъ,
Хоть бы щепоть!

„Посыпь мукой“,
Шепнулъ Господь.

Разъ-два куснулъ,
Скривилъ ротокъ.

„Соли еще!“
Кричитъ сынокъ.

Опять мукой...
А на кусокъ
Слеза рѣкой!...
Поѣлъ сынокъ!

Хвалилась мать
Сынка спасла...
Знать солона
Слаза была!...

Запомнилъ Гриша пѣсенку
И голосомъ молитвеннымъ
Тихонько въ семинаріи,
Гдѣ было темно, голодно,

Угрюмо, строго, холодно,
Пѣвалъ-тужилъ о матушкѣ
И обо всей вахлачинѣ,
Кормилицѣ своей.

И скоро въ сердцѣ мальчика
Съ любовью къ бѣдной матери
Любовь ко всей вахлачинѣ
Слилась — и лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Кому отдастъ всю жизнь свою
И за кого умретъ.

Довольно демонъ ярости
Леталъ съ мечемъ карающимъ
Надъ русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси.

Надъ Русью оживающей
Святая пѣсня слышится:
То ангелъ милосердія
Незримо пролетающій
Надъ нею — души сильныя
Зоветъ на честный путь:

Средь міра дальняго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.

Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую:
Какимъ идти?

Одна просторная
Дорога торная
Страстей раба

По ней громадная,
Къ соблазну жадная,
Идетъ толпа.

О жизни искренней
О цѣли выспренней
Тамъ мысль смѣшна.

Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
Вражда—война.

За блага бренныя,
Тамъ души тлѣнныя
Полны грѣха.

На видъ блестящая
Тамъ жизнь мертвящая
Къ добру глуха.

Другая тѣсная
Дорога честная,
По ней идутъ

Лишь души сильныя
Любвеобильныя
На бой, на трудъ.

За обойденнаго,
За угнетеннаго,
Умножь ихъ кругъ.

Иди къ обиженнымъ,
Иди къ униженнымъ
И будь имъ другъ!

КРЕСТЬЯНСКІЙ ГРѢХЪ

Аммиралъ-вдовецъ по морямъ ходилъ,
По морямъ ходилъ, корабли водилъ;
Подъ Очаковымъ бился съ туркою,
Наносилъ ему пораженіе,
И дала ему государыня

Восемь тысячъ душъ въ награжденіе.
Во той вотчинѣ припѣваючи
Доживаетъ вѣкъ аммиралъ-вдовецъ,
И вручаетъ онъ умираючи
Глѣбу старостѣ золотой ларецъ:
„Гой ты, староста, береги ларецъ!
Воля въ немъ моя сохраняется;
Изъ цѣпей-крѣпей на свободушку
Восемъ тысячъ душъ отпускается!
Аммиралъ-вдовецъ на столѣ лежитъ,
Дальній родственникъ хоронить катитъ,
Схоронилъ, забылъ! кличетъ старосту
И заводитъ съ нимъ рѣчь окольную;
Все повывѣдалъ, насулилъ ему
Горы золота, выдалъ вольную...
Глѣбъ—онъ жаденъ былъ—соблазняется,
Завѣщаніе сожигается!

На десятки лѣтъ, до недавнихъ дней
Восемь тысячь душъ закрѣпилъ злодѣй,
Съ родомъ, съ племенемъ, — что народу-то!
Что народу-то! съ камнемъ въ воду-то!
Все прощаетъ Богъ, а Іудинъ грѣхъ
Не прощается!

Ой мужикъ, мужикъ! ты грѣшнѣе всѣхъ,
И за то тебѣ вѣчно маяться!

РУСЬ

Битву кровавую
Съ сильной державою
Царь замышлялъ.
Хватитъ ли силушки?
Хватитъ ли золота?
  Думалъ, гадалъ.

Ты и убогая,
Ты и обильная;
Ти и могучая,
Ты и безсильная,
  Матушка-Русь!

Въ рабствѣ спасенное
Сердце свободное
Золото, золото
  Сердце народное.

Сила народная,
Сила могучая,
Совѣсть спокойная,
  Правда живучая.

Сила съ неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
  Не вызывается.

Русь не шелохнется,
Русь какъ убитая!
А загорѣлась въ ней
  Искра сокрытая.

Встали небужены,
Вышли не прошены,
Жита по зернышку,
  Горы — наношены!

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
  Несокрушимая.

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная
  Матушка-Русь!...

Удалась мнѣ пѣсенка, молвилъ Гриша прыгая,
Горячо сказалася правда въ ней великая:
Вахлачковъ я выучу пѣть ее, — не все же имъ
Пѣть свою „Голодную“. — Помогай, о Боже, имъ!
Какъ съ горы да бѣганья щеки разгораются,
Такъ съ хорошей пѣсенки духомъ поднимаются
Бѣдные, забитые... Прочитавъ торжественно
Брату пѣсню новую (братъ сказалъ: божественно),
Гриша спать попробовалъ. Спалося, не спалося,
Краше прежней пѣсенки въ полуснѣ слагалося.
Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
Еслибъ знать могли они, что творилось съ Гришею,
Слышалъ онъ въ груди своей силы необъятныя,
Услаждали слухъ его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благороднаго,
Пѣлъ онъ воплощеніе счастія народнаго.

Сентябрь-Октябрь 1876 г.
Ялта.

Поэма „Пиръ на весь міръ“ есть продолженіе поэмы „Кому на Руси жить хорошо?“.

ПРИТЧА

Послушайте братцы! Жилъ царь въ старину:
Онъ царствовалъ бодро и смѣло;
Любя безкорыстно народъ и страну,
Задумалъ онъ славное дѣло:
Онъ вмѣстѣ съ престоломъ наслѣдовалъ храмъ,
Гдѣ царства святыни хранились,
Но храмъ былъ и тѣсенъ и ветхъ; по угламъ
Летучія мыши гнѣздились.
Сквозь треснувшій полъ проростала полынь,
Въ немъ многое сгнило, упало,
И мѣста для многихъ народныхъ святынь
Давно уже въ немъ не хватало....
И новый создать ему хочется храмъ,
Достойный народа и вѣка,
Гдѣ бъ честь воздавалась и мудрымъ богамъ,
И славнымъ дѣламъ человѣка.
И сдѣлался царь молчаливъ, нелюдимъ,
Надолго отрекшись отъ свѣта,
И началъ надъ планомъ великимъ своимъ
Работать въ тиши кабинета.
И Богъ помогалъ ему: планъ поражалъ
Изяществомъ, стройной красою,
И царь приближеннымъ его показалъ,

И былъ возвеличенъ хвалою.
То правда, ввернули въ хвалебную рѣчь
Сидѣвшіе тутъ староврѣры,
Что можно бы стараго часть уберечь,
Что слишкомъ широки размѣры,
Но царь измѣнить не хотѣлъ ничего:
„За все я одинъ отвѣчаю!“
И только что слухи о планѣ его
Прошли по обширному краю,
На каждую отрасль громадныхъ работъ
Нашлися свободные люди
И двинулись дружной семьею въ походъ
Съ запасомъ рабочихъ орудій.
Давно они были согласны вполнѣ
Съ царемъ, устроителемъ края,
Что новый палладіумъ нуженъ странѣ,
Что старый — руина гнилая.
И шли они съ гордо поднятымъ челомъ,
Исполнены честнаго жара;
Ихъ мускулы были развиты трудомъ
И лица черны отъ загара.
И вѣра сіяла въ очахъ ихъ: горя
Ко славѣ отчизны любовью,
Они вдохновенному плану царя
Готовились жертвовать кровью
Рабочіе люди въ столицу пришли,

Котомки свои развязали,
Иные у стараго храма легли,
Иные присѣли — и ждали....
Но вотъ уже полдень — а ихъ не зовутъ!
Безропотно ждутъ они снова;
Царь мимо проѣхалъ, вельможи идутъ, —
А все имъ — ни слова, ни слова!
И вотъ уже скучно имъ праздно сидѣть,
Привыкшимъ трудиться до поту,
И день уже началъ примѣтно темнѣть,
Ихъ все не зовутъ на работу!
Увы! не дождутся они ничего!
Пришельцы царю полюбились,
Но ихъ испугались вельможи его
И въ ноги царю повалились:
„О царь! ты прославишься въ въ позднихъ вѣкахъ!
„За что же ты насъ обижаешь?
„Давно уже преданность въ нашихъ сердцахъ
„Къ особѣ своей ты читаешь;
„А эти пришельцы... Суровость ихъ лицъ
„Пророчитъ недоброе что-то,
„Ихъ надо подальше держать отъ столицъ,
„У нихъ на умѣ — не работа!
„Когда ты по площади ѣхалъ вчера
„И мы за тобой поспѣшали,

„Тебѣ они громко кричали: ура!
„На насъ же сурово взирали.
„На площади мира сегодня въ ночи
„Они совѣщалися шумно...
„Строеніе храма ты намъ поручи,
„А имъ довѣрять — неразумно!“
Волнуютъ царя и боязнь и печаль,
Онъ слушаетъ съ видомъ суровымъ:
И старыхъ, испытанныхъ слугъ ему жаль,
И вѣра колеблется къ новымъ...
И вышелъ указъ... И за дѣло тогда
Взялись празднолюбцы и воры...
А люди, сгоравшіе жаждой труда
И рвеньемъ, сдвигающимъ горы,
Связали котомки свои — и пошли,
Стыдомъ неудачи палимы,
И скорбь вавилонскую въ сердцѣ несли,
Ни съ чѣмъ уходя, пилигримы.
И цѣлая треть не вернулась домой:
Иные въ пути умирали,
Иные бродили по царству съ сумой
И смуты въ умахъ поселяли,
Иные скитались по чуждымъ странамъ,
Иные въ столицѣ остались
И зорко слѣдили, какъ строился храмъ,
И втайнѣ царю удивлялись!

Строители храма, — не плану царя,
А собственнымъ цѣлямъ служили,
Они пожалѣли того алтаря,
Гдѣ жертвы богамъ приносили,
И многое, втайнѣ ликуя, спасли,
Задавшись задачею трудной,
Они благотворную мысль низвели
До уровня вѣтоши скудной;
Въ основѣ труда подневольнаго ихъ
Лежала рутина — не генiй,
За то было много эффектовъ пустыхъ
И бьющихъ въ глаза украшенiй...
Сплотившись въ надменный и дружный кружокъ,
Лишь тѣхъ отличая вниманьемъ,
Кто ихъ заслонить передъ трономъ не могъ
Энергiей, разумомъ, знаньемъ,
Они не внимали совѣтамъ благимъ
Людей, понимающихъ дѣло:
Совѣты обидой казалися имъ,
Царю говорятъ они смѣло:
„О царь, воспрети ты пустымъ крикунамъ
„Язвить насъ насмѣшливымъ словомъ!
„Зане невозможно судить по частямъ
„О цѣломъ, еще не готовомъ!“
Указъ роковой написали, прочли

И царь утвердилъ его тутъ же,
Забывъ поговорку своеи же земли,
Что „умъ хорошо, а два лучше!“
Но смѣло нарушилъ жестокій законъ
Одинъ гражданинъ именитый:
Служилъ безкорыстно отечеству онъ
И былъ уже старецъ маститый,
Измлада онъ жизни умѣлъ не жалѣть,
Не зналъ за собой укоризны
И дѣтямъ внушалъ, что честнѣй умереть,
Чѣмъ видѣть безславье отчизны;
По мужеству воинъ, по жизни монахъ
И сѣятель правды суровой,
О „новомъ винѣ и о старыхъ мѣхахъ“
Напомнилъ библейское слово.
Онъ истину рѣзко раскрылъ предъ царемъ,
Но слуги царя не дремали:
Успѣвъ овладѣть уже царскимъ умомъ,
Уликъ они много собрали;
Отчизны врагомъ оказался старикъ, —
Чужда ему преданность, вѣра!
И царь, пораженный избыткомъ уликъ,
Казнилъ старика для примѣра!
И паника страха прошла по странѣ,
Все головы долу склонило:
И строилось зданье въ нѣмой тишинѣ,

Какъ будто копалась могила...
Лѣса убираютъ, — убрали... и вотъ
„Готово!“ царю возвѣщаютъ,
И царь по обширному храму идетъ,
Вельможи его провожаютъ.
Но то ли предъ нимъ, что когда то въ мечтѣ
Очамъ его царскимъ являлось
Въ такой поражающей умъ красотѣ,
Что неба достойнымъ казалось?
Надъ чѣмъ напрагая взыскательный умъ,
Онъ плакалъ, ликуя душою?...
Нѣтъ! Это не плодъ его царственныхъ думъ,
Царь грустно поникъ головою:
Ни въ цѣломъ, ни въ малой отдѣльной чертѣ
Увы! онъ не встрѣтилъ отрады!
Но все жъ въ несказанной своей добротѣ
Строителямъ роздалъ награды.
И тотчасъ же имъ разойтись приказалъ,
А самъ, передъ капищемъ сидя,
О планѣ великомъ своемъ тосковалъ,
Его воплощенья не видя...

20 Іюля 1870 г.

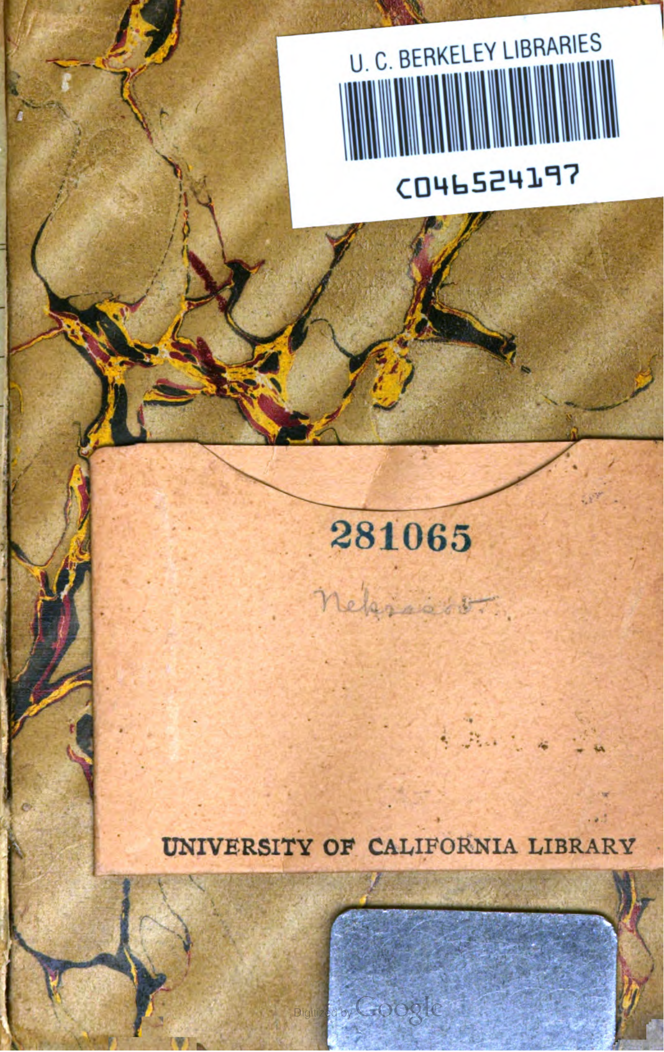
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМУ

Не говори: „забылъ онъ осторожность!
„Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..“
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ,
Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ.

Такъ мыслитъ онъ, и смерть ему любезна,
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна;
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна;
Его судьба давно ему ясна.

Его еще покамѣстъ не распяли,
Но близокъ часъ — онъ будетъ на крестѣ:
Его послалъ богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C046524197
281065
Nekrasov.
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Digitized by Google

